Волчья ягода

Автор:
Анна Данилова

Волчья ягода

Анна Данилова

Crime & private

Неведомые противники – шаг за шагом – медленно сводят с ума бывшую банкиршу Анну Рыженкову, обобравшую сотни вкладчиков и вот уже три года проживающую в земном раю на острове Мэн. Вызванная в Москву на похороны сестры Милы, она проходит сквозь все круги ада, тщетно пытаясь разгадать, чья же ненависть породила столь изощренную месть…

Анна Данилова

Волчья ягода

Глава 1

Молодой человек в сером твидовом костюме, сидевшем на нем нескладно, словно с чужого плеча, остановился перед дверью старого особняка, в котором располагался морг, чтобы перевести дух, и оглянулся, словно ища поддержки у мокнущих под дождем древних разросшихся лип. Промозглый октябрьский день,

синий воздух, пузырящиеся лужи, в которых плавали мертвые желтые листья, горьковатый запах осени – все это как нельзя более подходило для встречи со смертью…

Он в последний раз вздохнул и вошел в пропитанный запахом карболки длинный узкий коридор, освещенный тусклым желтоватым светом ламп. Где-то здесь, совсем рядом, находилась ОНА. И если бы не крупная, похожая на малину родинка на бедре…

Он снова остановился, не в силах толкнуть перед собой уже следующую дверь, за которой его ждали. «Вы должны поехать для опознания…»

Кому он должен? Ей? Вероятно, но она сама выбрала этот путь, так что нечего тут искать виноватых. Каждый волен распоряжаться своей жизнью по собственному желанию. Она была взрослой девочкой и вполне здраво оценивала все, что происходило с нею в последнее время. Стало быть, надо как можно скорее покончить с формальностями, а именно – увидеть ее, чтобы сказать: да, это она.

Ведь она же не дворняга какая, у нее было имя, и она имеет право, как любой другой человек, на достойное погребение.

Он распахнул дверь и зажмурился от яркого света и совершенно убийственного, тошнотворного запаха…

К нему тотчас подошел человек в белом халате, поверх которого был повязан темно-зеленый, в бурых пятнах, клеенчатый фартук. У этого мясника-доходяги (плоского, будто камбала, и явно страдающего болезнью желудка) было красное, словно у алкоголика, лицо с выпуклыми голубыми глазами, бесстрастно глядящими сквозь стекла очков, тонкий с горбинкой нос, бледные губы-ниточки и смешно торчащий подбородок. Редкие и пушистые, как цыплячий пух, волосы его были растрепаны.

– Идите за мной, – произнес человек бесцветным голосом, делая знак следовать за ним.

В соседней комнате, огромной, с матовыми овальными окнами, голубеющими на фоне всего белого и яркого от слепящих ламп, на столе лежала женщина.

Голова ее была покрыта влажной марлевой салфеткой. Когда человек в фартуке приподнял салфетку, посетитель едва не лишился чувств: у женщины не было лица, вернее, на том месте, где должно было находиться лицо, полностью отсутствовала кожа. Но он узнал покойницу, узнал ее по волосам, хотя они мало походили на то золотистое облако, которым восхищались ее мужчины… Теперь это была бесформенная мокрая спутанная волосяная масса с застрявшими в ней веточками, листочками, травинками… Узнал он и ее тело, некогда белое и нежное, а теперь напоминавшее увеличенную в размерах тряпичную куклу, покрытую плесенью и поврежденную в некоторых местах чем-то острым…

– Господи, ее что, пытали? Что это за ужасные рваные раны? А эти синяки? Скажите, это было сделано при жизни?

Он даже не слышал, что ему ответили. Он вдруг сжался, словно все эти раны и ссадины переместились на его тело и теперь больно саднили.

Он не отрываясь смотрел на потемневшую родинку на ее бедре – словно переспевшая ягода малины прилипла и вросла в кожу.

– Странно, что они не вырезали ее, – с профессиональным цинизмом заметил человек в фартуке. – Может, тот, кто это сделал, просто не знал о ее существовании… Ведь по ней проще всего опознать… Непонятно, зачем было тогда так уродовать лицо… Вы можете назвать имя этой женщины?

– Могу, – молодой человек с трудом разлепил губы и замотал головой. – Ее звали Людмила…

* * *

«У меня была сестра. И вот теперь она умерла. Ее звали Мила. И я не знаю, кто виноват в том, что так случилось, ведь у нее в жизни было все для того, чтобы стать счастливой. А теперь из-за нее мне придется покинуть рай. Я не преувеличиваю. Тот, кто пожил на острове Мэн, знает, что такое настоящий рай. Мне было здесь спокойно все эти годы. Я знала, что каждое последующее утро принесет мне новые силы, новое ощущение полноты жизни, которое просто переполняет меня, словно теплый мед в прогретых солнцем сотах… Вы можете меня осудить, но я прошла нелегкий путь, прежде чем оказаться на этом чудном

краю света. Под окнами моего трехэтажного дома полыхают яркие цветы, с океана дует свежий соленый ветер, и все вокруг дышит покоем и пресыщенностью. Да, я так, наверно, никогда и не привыкну к этому новому существованию. Моя прежняя жизнь снится мне, и я просыпаюсь по ночам со стучащими от нервного озноба зубами. С воплями „Я так больше не могу!“ или „Я ненавижу вас!“ бегу на кухню, где глотаю снотворное… Но эти приступы случаются все реже и реже. Скоро наступит полный штиль, и я забуду о своем прошлом.

Мила? Она раздражала меня уже тем, что вообще родилась. Ее, похоже, никто и не ждал. Она появилась на свет в результате случайной ссоры наших родителей, которая плавно перешла в перемирие. Мой отец заперся в спальне с моей плачущей матерью вечером, часов в семь, а вышли они оттуда уже утром, и это после пяти лет холодной войны, во время которой они спали в разных комнатах и вели себя, как форменные идиоты, вынужденные жить под одной крышей лишь для того, чтобы создать видимость нормальной семьи. Ради меня, единственной дочери, которая должна расти с матерью и отцом. И это при том, что их никто об этом не просил. Мне, во всяком случае, эти жертвы были ни к чему. Другое дело, что разменять квартиру и начать жить разными жизнями было почти невозможно в силу инертности моих родителей. В сущности, они были очень похожи друг на друга и, быть может, именно поэтому и не находили общего языка. Каждый из них старался возложить на другого ответственность за все, что происходит в семье, а в результате за все отвечала я. Я никогда не была похожа ни на свою мать, ни на отца. Я была сама по себе, и моя сестра пошла, если можно так выразиться, в меня. Быть может, я всегда недолюбливала Милу уже из-за того, что именно ее рождение и повлекло за собой те многочисленные болезни, от которых в конечном итоге умерла моя мать, а потом спился и повесился отец. Хотя умом-то я понимаю, что она здесь, конечно же, ни при чем. Просто так уж все случилось… И вот теперь умерла Мила. Мне сообщили об этом рано утром второго октября, а человек, позвонивший мне домой, представился никем иным, как мужем Милы. А ведь я и понятия не имела, что она замужем. Я вообще не могу себе представить ее замужем, поскольку надо знать Милу, чтобы предположить такое. Он сказал, что похороны сестры назначены на 4 октября и что, если я захочу, то смогу успеть. Но самое главное, что Милу собираются похоронить в Москве, хотя она никогда не жила в Москве, ведь мы с ней родились и выросли в С.! Неужели я недооценила свою сестру, и она, вопреки моему представлению о ее образе жизни, вышла замуж и переехала в столицу?

Вам может показаться, что я слишком болезненно отношусь к „провинциальному“ вопросу, но для меня он был решающим пять лет тому назад, когда я, закрыв глаза на свое прошлое и настоящее, в буквальном смысле этого слова, вытряхнув из теплой постели своей сестры ее жениха, Вика, повезла его в аэропорт, откуда мы вылетели в Москву… Почему именно Вика? Мне довольно трудно будет это объяснить, поскольку это можно только прочувствовать. А я всегда чувствовала, что мы с ним сделаны из одного материала и что только с его помощью я смогу вырваться из нашего зловонного провинциального городишки с тем, чтобы потом вскарабкаться на самый верх… „Верх“ ЧЕГО, спросите вы? Слово „верх“ всегда ассоциировалось у меня с независимостью. А стать свободной в полном смысле этого слова можно только с помощью денег. И я, и Вик – мы оба прекрасно понимали это. Вот только Мила этого не понимала. Деньги ее вообще никогда не интересовали. Она много работала, но практически никогда не требовала за это денег. Мила – была… Боже, какое безысходное слово „была“… Мила была фотографом».

* * *

Стройная шатенка, закутанная почти до бровей в черную газовую траурную шаль, пересекла центральный зал лондонского аэропорта Хитроу и замерла возле рекламного стенда, как если бы ее окликнули. Медленно повернув голову, она встретилась глазами с догонявшим ее высоким молодым мужчиной, одетым в зеленую вельветовую куртку и песочного цвета брюки. Он смутился и растерянно улыбнулся.

– Гаэль, я не просила провожать меня… – сказала по-английски женщина, чувствуя, как щеки ее, вопреки усилиям воли, запылали: присутствие молодого мужчины здесь, в этом огромном аэропорту, с одной стороны, сковывало ее, а с другой – возбуждало. – Мы же с тобой договорились…

Она подошла к нему и провела рукой, затянутой в черную замшевую перчатку, по его щеке. Ей вдруг подумалось, что она видит его в последний раз, и сердце ее больно кольнуло. Вот когда ей позвонил человек, представившийся мужем Милы, ее сердце никак не отреагировало на известие о смерти сестры, зато сейчас, когда она прикоснулась к Гаэлю, оно трепыхнулось…

Гаэль Мартен – чистокровный англичанин– был нанят Анной полтора года назад при очень странных обстоятельствах. Выпускник Миддл Темпл-холла,

готовящего адвокатов, Гаэль был почти насильно привезен на остров Мэн своей новой знакомой, русской женщиной по имени Анна Рыженкова, с которой он познакомился в Дерби на скачках. В тот июньский день многих англичан увезли оттуда с сердечными приступами, результатом бесчисленных пари, заключенных на этих всемирно известных скачках. Анна же выиграла тысячу фунтов и на радостях подарила их своему соседу, симпатичному молодому англичанину, явно проигравшемуся в пух и прах. Гаэль, так звали парня, находился в таком состоянии, что он сначала не понял, что вообще произошло и каким образом он оказался в машине незнакомой, но чрезвычайно привлекательной женщины, и пришел в себя только у нее дома, когда она на неизвестном языке пыталась что-то втолковать ему, размахивая перед его носом пачкой фунтов стерлингов. Девушка в белом переднике, явно горничная, перевела, что леди собирается подарить ему тысячу фунтов, если он погостит у нее три дня. Предложение было более чем странным, но Гаэль согласился. Возможно, причиной подобного решения была красота этой женщины, а быть может, и то, что у него оставалось еще десять дней до окончания отпуска, который ему предстояло провести в скучном обществе родственников, живущих в Шотландии. Анна была старше его на пять лет и всем своим поведением напоминала скучающую леди, готовую на все ради новых ощущений и удовольствий, способных заставить забурлить застоявшуюся кровь. Но Гаэль здорово просчитался. Вместо секса, на который он настроился буквально в течение нескольких минут после того, как ему было сделано это необычное предложение, он получил первый урок русского языка. Анна поила его чаем на лужайке перед домом и заставляла повторять русские слова. И он повторял. Он не узнавал самого себя. В результате этих странных лингвистических упражнений он усвоил несколько приличных и неприличных русских выражений и только после этого, вечером третьего дня был допущен в спальню к хозяйке, где смог наконец удовлетворить терзавшие его эти три дня желания. Русская женщина оказалась на редкость чувственной и веселой, хотя немного чудаковатой, словом, не без странностей.

Утром четвертого дня она дала ему обещанные тысячу фунтов и предложила работу в своей компании. Услышав название, он понял, что то, что он принял за случай, на самом деле явление вполне закономерное и что Анна Рыженкова оказалась на скачках в Дерби из-за него, Гаэля Мартена. Он вспомнил, как еще полгода тому назад ему пришло письмо с острова Мэн от представителя компании «Motor Compani Agents Ltd.» с предложением занять место секретаря с юридическим образованием. Но письмо пришло так некстати, – в то время Гаэль переживал свое первое фиаско на адвокатском поприще и находился не в лучшей психологической форме, – что о положительном ответе компании не могло быть и речи. Потом у него появились новые клиенты, новые дела и про

письмо он забыл. И вдруг теперь снова всплыло это название и предложение работы!

– Но почему именно я? – спросил он Анну, понимая, что ее настойчивое желание во что бы то ни стало заполучить его к себе на службу не может основываться на его деловых качествах и уж тем более на его репутации как адвоката, поскольку он в этом плане ничего стоящего пока не представлял.

– Мне нужен верный человек, и я чувствую, что вы мне подходите… – ответила она на плохом английском и посмотрела на него тяжелым, но в то же время полным надежды взглядом.

– Но вы же меня не знаете! – вскричал уже совершенно сбитый с толку Гаэль, отказываясь что-либо понимать вообще.

– Ты был со мной в Москве, помнишь Вика? Ты останавливался у него, и мы в тот вечер много говорили… Вик сказал, что ты хороший парень, ничего, что англичанин… А еще он обещал тебе, вернее, твоему отцу найти настоящую русскую саблю… Ведь твой отец живет в Берлине?

И Гаэль вспомнил все: и Москву, и черноволосого беспрестанно хохочущего Вика, и вкус русской водки, и даже вкус женских губ… Вот только лицо женщины, с которой провел тогда ночь, он вспомнить так и не смог.

– Так это была ты?

– Я. И я нашла тебя.

И Гаэль согласился работать на компанию, директором которой была Анна. Но только спустя три месяца он понял, почему Анна выбрала именно его. Ей необходим был человек, хорошо знающий английские законы, чтобы с его помощью и полностью полагаясь на него, идти намеченным ею путем. И когда Гаэль Мартен понял это, отступать было поздно. Он уже полностью принадлежал Анне.

* * *

– У меня такое чувство, что мы больше не увидимся… Ты останешься в Москве?

Она зажала ему рот ладонью и нахмурила брови:

– Что за чушь ты несешь, Гаэль?! Я еду на похороны моей сестры, ты же прекрасно знаешь…

– Но ты никогда не рассказывала мне о своей сестре… Мне кажется, что ты сбегаешь…

– Разве так сбегают? Посмотри на меня, я еду с одной дамской сумкой и зонтиком! Я вернусь, я не могу не вернуться, поскольку только здесь моя настоящая жизнь.

– А Вик? Он знает о том, что ты приезжаешь в Москву?

– Откуда мне знать, если мне неизвестно даже имя мужа Милы. Он не представился, я знаю лишь адрес их квартиры… Гаэль, прошу тебя, не паникуй…

– Почему ты едешь без меня? – Он чувствовал свое унижение, но ничего не мог с собой поделать: Анна ускользала от него, оставляя его ОДНОГО расхлебывать эту кашу… – Ты же знаешь, что мы висим на волоске, что достаточно одного дня, чтобы мы взлетели на воздух… Эти люди…

– Какие люди, о чем ты?

– Я не хотел тебе говорить…

Но он так и не успел ничего сказать, – объявили посадку.

– Я тебе позвоню… – и она растворилась, исчезла, как сон.

Гаэль оглянулся, – ему снова показалось, что за ним кто-то наблюдает.

* * *

«В самолете мне так и не удалось заснуть. Я думала о Миле, о том, что меня ждет в Москве, о предстоящих похоронах и вопросах, которые могут последовать в связи с моим приездом. Родственников, понятное дело, не будет. Будет только вдовец, муж Милы, с которым мы скорее всего обменяемся дежурными фразами по поводу внезапной кончины Милы… Он сказал, что она умерла, и все. Не мог объяснить, что с ней случилось. Может, автокатастрофа, а может, не разродилась, такое тоже бывает. Если они жили в Москве, то Мила наверняка работала фотокорреспондентом в какой-нибудь газете или журнале. Во всяком случае, Мила была не таким человеком, чтобы сидеть дома без дела. У нее был настоящий зуд по части фотографирования, она постоянно что-то снимала, проявляла, носилась с фотоаппаратом по городу и выискивала какие-нибудь необычные сюжеты. Денег, которые она выручала за свои снимки, продавая их в местные с-кие газетенки, едва хватало на пленку, причем черно-белую, поскольку на цветную денег не было никогда. Сестра наплевательски относилась к себе, ходила черт-те в чем, питалась как попало, зато спала подолгу, за счет этого и набиралась сил. И вообще она была странная, эта Мила. Но редкий мужчина проходил мимо нее, не обернувшись. Очевидно, было в ней что-то такое, на что я не обращала внимания, а потому никак не могла понять, чем же она их так привлекает. Возможно, это были длинные светлые волосы. Но она так безалаберно к ним относилась, собирая их на макушке какой-нибудь детской заколкой, что их почти не было видно. Зеленые глаза? Обычные глаза, немного раскосые. Нос маленький, слегка вздернутый, словно у куклы. А губы? Губы у нее в отца – большие, пухлые… Губы у нее были красивые.

Я пыталась представить себе Милу в гробу. Мертвый ангел. Да, она была похожа на ангела, каких рисовали в начале прошлого века – тонкая, изящная, белокожая, светловолосая, со светлыми глазами и тонкими чертами лица. Но самым ангельским в ее облике, пожалуй, было кроткое выражение лица. Оно обезоруживало. Людям, а тем более женщинам, с таким выражением лица прощалось все.

Но только я ее простить не могла. И как вообще можно простить такое?

Мысли мои вновь и вновь возвращались к событиям почти пятилетней давности, когда в нашей жизни появился Виктор. Мы звали его просто Вик.

Все началось с того, что однажды Мила проявила пленку, напечатала двенадцать фотографий, с которых на нас смотрел улыбающийся молодой мужчина в джинсах и с золотой цепью на волосатой груди, и сказала, что это ее

парень. Я сначала не поверила собственным ушам и уж, тем более, глазам. Чтобы эта серая мышка сумела заполучить себе в любовники такого роскошного мужчину – да у меня это просто не укладывалось в голове! Но уже утром следующего дня я увидела его входящим в нашу квартиру с чемоданом.

– Он будет жить здесь, – произнесла Мила самым естественным тоном, как если бы речь шла о том, куда ей лучше поставить только что купленный шкаф или табурет. А ведь ей в ту пору было всего пятнадцать, и она до этого времени была, по моим наблюдениям, девственницей. И чтобы я поняла, что она не шутит и что это вполне серьезно, она добавила: – Мы поживем немного в гражданском браке, а потом поженимся.

Сказала и скрылась со своим парнем в своей комнате. Помнится, я тогда долго стояла посреди кухни, не в силах вообще что-либо предпринять. Она поставила меня уже перед фактом, меня, свою старшую сестру, которая имела куда больше прав в этом доме хотя бы потому, что мне тогда было двадцать шесть лет, и это я должна была первой привести в дом мужчину. Я собиралась было уже ворваться в ее комнату и сказать ей все, что я думаю по этому поводу, но в это время в дверях появился Вик с бутылкой вина в руках. Лицо его сияло, глаза улыбались, он был счастлив и не мог не раздражать меня…

– Тебя зовут Анна? – спросил он, обращаясь ко мне сразу на „ты“; он подошел настолько близко ко мне, что я почувствовала исходивший от него специфический мужской запах, который взволновал меня. Я уж не знаю, что со мной произошло, но я ему тоже улыбнулась и даже протянула руку, чтобы поздороваться или познакомиться, как уж выйдет…

– Да, а тебя Виктор?

– Друзья зовут меня просто Вик. Ты не думай, я не бездельник, я зарабатываю вполне прилично, так что на троих хватит. С голоду, сестрички, не помрете…

У меня не хватило духу спросить его, где они познакомились и сколько времени встречались, прежде чем приняли решение жить вместе, но тогда это уже не имело никакого значения… Он пришел, и что-либо изменить было уже невозможно. Моя сестра, оказывается, выросла и превратилась в женщину. Но, зная ее, мне почему-то было радостно на душе, когда я думала о том, каким тяжким испытанием окажется для Вика их совместная жизнь. Ведь Мила ничего

не смыслила в домашних делах. Сварить суп для нее было великим подвигом, причем взять это варево в рот было невозможно: пережаренный лук и слишком много соли. Белье постельное мы относили в прачечную, а носильные вещи Мила стирала в крохотной машинке… Быть может, поэтому у нее так быстро все изнашивалось, и она ходила в потрепанных джинсах и рваной майке.

Я, в отличие от сестры, вела совершенно иной образ жизни. У меня был мужчина по имени Игорь. Он был значительно старше меня, и мне было с ним легко… И если бы не его внезапная смерть, возможно, ничего бы и не было…»

* * *

В Москве шел дождь, но Анна не чувствовала его. Выйдя из такси прямо на Красной площади, она несколько минут простояла, забыв о существовании зонта, и была не в силах сдвинуться с места, пока какой-то прохожий не тронул ее за руку:

– С вами все в порядке?

Позже она бродила по московским улочкам, вспоминая свою жизнь с Виком и все то, что произошло после их разрыва. Разве могла она предположить, что вернется сюда, да еще по такому скорбному поводу? Она улетала отсюда, как птица, выпущенная на свободу и еще не растерявшая своих сил…

Москва изменилась, заиграла чистыми красками европейских витрин, засияла рекламными щитами, приобрела капиталистический лоск и дорогие декорации… Но из русских газет, которые Анна регулярно читала у себя на острове Мэн, она прекрасно знала, насколько временно это затишье, насколько обманчивы переполненные немецкими и французскими консервами магазинные полки, насколько смешны иллюзии соотечественников в отношении грядущих перемен… Страна всеобщего благосостояния была хороша только в представлении Хэрлуфа Бидструпа.

Ностальгические чувства были непонятны Анне, больше того, к обеспокоенности по поводу цели ее визита в Москву примешивался почти животный страх быть схваченной прямо здесь, в центре города, и увезенной куда-нибудь в следственный изолятор. Умом она понимала, что все эти страхи вызваны лишь ее

еще вчерашней изолированностью от своей бывшей родины и тем количеством негативной литературы, которую она просматривала, интересуясь Россией. Но, с другой стороны, здесь, в этом воздухе, еще витал застарелый запах другого страха, который просто-таки перехватывал горло и мешал дышать в те зимние дни девяносто четвертого, когда она сбросила наконец с себя все обязательства и не оглядываясь кинулась навстречу другой жизни…

Она приехала на Солянку и вошла в подъезд незнакомого ей дома, поднялась на второй этаж и остановилась, дрожа всем телом, перед дверью, за которой ей предстояло увидеть свою покойную сестру. Крышка гроба, красная, окаймленная черными кружевами и стоящая слева от двери, свидетельствовала о том, что она не ошиблась адресом…

«Возьми себя в руки, в конце-то концов… Через какие-нибудь несколько часов все будет кончено, ты освободишься, выпьешь пару рюмок коньяку за упокой души рабы Божьей Людмилы и уже завтра вернешься домой…»

Она нажала на кнопку звонка и замерла, прислушиваясь к звукам, доносящимся из квартиры.

Дверь открыл молодой крепкий мужчина в черном свитере.

– Вы Анна Рыженкова? – спросил он низким хрипловатым голосом и внимательно посмотрел ей в глаза. – Вы сестра Милы?

– Да, это я…

Ее била дрожь, которую просто невозможно было унять. Дрожь эта шла откуда-то изнутри и мешала говорить. Челюсти ее свело судорогой, а язык отказывался повиноваться.

– Входите…

И тут случилось невероятное: мужчина, больно схватив ее за руку, втянул Анну в квартиру и свободной рукой принялся запирать двери (их оказалось две!) на все замки. На это ушло около минуты, и все это время Анна боялась пошевелиться. Ей не верилось, что то, что с ней сейчас происходит – реальность. Она

зажмурилась, но, когда открыла глаза, ничего не изменилось. Разве что стало светлее – мужчина включил лампу. Они стояли в прихожей, за дверью которой просматривалась часть большой мрачноватой комнаты… Шум дождя был настолько громок, что, казалось, за порогом уже начинается улица. Да и пахло в квартире не покойником и церковными свечами, а сыростью, мокрыми листьями, осенью…

– Что это вы меня так больно схватили? Отпустите сейчас же… Где Мила? Где стоит гроб?

Но мужчина, не отпуская ее, втолкнул в комнату и почти отшвырнул от себя, да так, что она упала в кресло и даже вскрикнула от неожиданности.

– Как тебе поживается на твоем волшебном острове, птичка?

Мужчина был метра под два ростом, черноволос, широк в плечах, а бледным непроницаемым лицом походил на киношного зомби.

– Вы кто? Муж Милы? Что происходит и кто вам позволил так обращаться со мной?

– Ты будешь звать меня Матвеем, но это лишь в том случае, если останешься живой. А вот оставим ли мы тебя живой или нет, зависит теперь только от тебя…

«Прав был Гаэль. Я никогда больше не вернусь к нему…»

Она зажмурилась, но это не спасло ее от удара, который обрушился на ее голову. Затем ее больно ударили по лицу, и она почувствовала, как из носа хлынула теплая, соленая кровь…

– Что вам от меня нужно?

– Для начала вот что…

Она не поняла, как оказалась на полу. Резкими движениями мужчина, назвавшийся Матвеем, задрал ее юбку и принялся торопливо расстегивать свои брюки. Она закрыла лицо руками и замотала головой, чувствуя, как его тело

наваливается на нее…

– Можешь сходить в ванную, она там… – сказал он позже, перешагивая через нее и чуть ли не задевая ее голые бедра своими грязными грубыми башмаками. – У нас очень мало времени.

В ванной ее вырвало.

Белье было безнадежно испорчено, разодрано… Она вымылась под душем и вернулась в комнату лишь в юбке, блузке с жакетом (траурную газовую шаль она спрятала в сумку, чтобы лишний раз не раздражать Матвея) и туфлях. Она чувствовала, как стынут бедра, словно ей под юбку забрался ветер…

Матвей курил, сидя в кресле. Он молча предложил ей сесть на соседнее кресло и начал говорить:

– Я все про тебя знаю. Это для начала. А теперь немного фактов. Итак, Нормандские острова и остров Мэн представляют собой подвластные Великобритании территории, НЕ являющиеся частями Соединенного Королевства… Однако, поскольку британское Министерство внутренних дел отвечает за международные отношения островов по вопросам правового взаимодействия, то, следовательно, имеет право делать представления островам в плане взаимопомощи с другими государствами, а сами острова несут полную ответственность за выполнение запросов на территории, находящейся под их юрисдикцией. Не так ли, леди?

Она почувствовала, как ее бросило в жар. Контраст между тем, что он несколько минут назад проделывал с ней на полу, и этими казенными фразами мог свести с ума кого угодно, но только не ее. Она понимала абсолютно все. Она изучала все это долгими месяцами вместе с английским и французским языками, когда собиралась на остров… А Матвей продолжал:

– Я знаю, кто был первыми подписчиками и акционерами компании «Motor Compani Agents Ltd.» сокращенно «MCAL». Они были допрошены нашими людьми в качестве свидетелей по уголовному делу. Кроме того, нами были изъяты соответствующие документы и допрошены лица, причастные к учреждению и продаже ВАМ, Анна Рыженкова, этой компании. Мы взяли под контроль все посреднические операции, в которых было задействовано несколько британских

банков… Что вы на это скажете?

– Я не понимаю о чем вы говорите… – она с трудом разлепила губы. – Что вам от меня надо?

– Дело в том, что у нас собраны практически все доказательства, подтвержденные, кстати, заверенной копией досье на «MCAL» из государственного регистра острова Мэн, что похищенные вами пятнадцать миллионов долларов США были перечислены на один из счетов данной компании, а оттуда лично вам, госпожа Рыженкова…

Она вдруг улыбнулась ему, и эта улыбка снова превратила ее в прежнюю, пожалуй, настоящую Анну Рыженкову… Ей вдруг стало смешно. Как нелепо и нелогично излагает этот «фээсбэшник» свои обвинения, пытаясь взять ее на мушку, насколько по-идиотски звучит в его устах та прекрасная музыка великого обмана, который она позволила себе три года тому назад и который просто-таки вскружил ей голову своей простотой и гениальностью… Да, все правильно, и даже сумма названа верно, но ему ли, этому бандиту с большой дороги, устроившемуся на тепленькое местечко в ФСБ, рассуждать на тему офшорного бизнеса? Да что он смыслит в этом, черт подери?!

Она вдруг вспомнила свои ощущения, когда ее впервые посетила мысль превратить сбережения вкладчиков своего банка, управляющей которого она в то время была, в свои личные сбережения. Словно наркотик, эта мысль обогатила сознание приторным ядом вседозволенности и безнаказанности, которые лишили ее покоя, поскольку распахнули перед ней ворота светлого и чистого ада, где вместо кошмара и чада от поджаривающихся на сковородах грешников, прогуливались по солнечным цветущим аллеям, рука об руку, все известные банкиры и миллиардеры мира, сколотившие себе состояния на крови своих соотечественников. Деньги не пахнут, это верно, зато с их помощью можно было избавить себя от необходимости каждый день вдыхать вонь мерзейших бомжей в подземке или шарахаться от подвыпивших политиканов на Пушкинской площади, призывающих к оружию, к крови…

И все же самым сладким удовольствием по-прежнему оставалась не столько идея разбогатеть за чужой счет, причем разбогатеть до неприличия, сколько сам процесс обмана и вереница связанных между собой просто-таки блестящих махинаций, при помощи которых она собиралась осуществить свой грандиозный план. Понятное дело, что для этого ей необходимо было найти людей, которые

за определенную плату помогли бы ей сначала в составлении подложных кредитных договоров, а уж потом в оформлении документов, подтверждающих банкротство ее банка. Сотни и сотни законов, направленных на упорядочение финансовой системы, повернутые теперь на сто восемьдесят градусов, должны были с помощью фальшивых документов поработать на разрушение этой самой системы.

Вик, эта свинья, хотя и преданная, обещал ей помочь в этом, но тоже не бесплатно. И помог. Познакомил с нужными людьми, словом, свел с кем надо, а сам, после того, как банк скончался и был погребен под декабрьским снегом, ушел в тень. Более того, он оказался столь порядочен по отношению к своей жене, что сам прислал Анне документы на развод, полностью освобождая ее от оставшихся московских пут. Разве что не проводил в аэропорт…

Она уезжала налегке, вот так же, как и сейчас, одетая в английский костюм и с небольшой дорожной сумкой, в которой, кроме фальшивого паспорта и прочих необходимых документов, лежали зубная щетка, пижама и зонт. Это все. И уже спустя несколько часов она, приземлившись в лондонском аэропорту Хитроу, пересела на такси, чтобы добраться до вокзала Ватерлоу, оттуда отправиться через туннель под Ла-Маншем в Париж, где ее уже ждали настоящие документы и кредитные карты, по которым она смогла получить немного наличных и поселиться в отеле на то время, пока скандал, связанный с ее исчезновением, не утихнет. Кроме того, ей предстояло провести несколько крупных финансовых операций, конечной целью которых было выправление кредитных договоров и покупка контрольного пакета акций компании «Motor Compani Agents Ltd.» сначала на имя доверенного лица, а затем уже и на свое собственное. По документам выходило, что средства на покупку компании получены ею в результате продажи акций крупнейших санкт-петербургских и московских фирм, занимающихся экспортом спиртных напитков в Россию. Как сказал бы Вик – чистая работа.

Из газет и международных новостей по телевизору она, лежа на широкой гостиничной кровати парижского отеля «Эдуард IX», следила за ходом поисков русской банкирши Анны Рыженковой, похитившей у своих вкладчиков около двадцати миллионов американских долларов, и почти три месяца вздрагивала, когда кто-то звонил или стучал в ее номер. И только пачка фальшивых паспортов, спрятанных на дне дорожного несессера, придавала ей уверенности в том, что ее, быть может, так никогда и не найдут. В России, впрочем, как и везде во всем мире, за деньги можно купить не только десяток паспортов, но и

черта лысого. Это она теперь знала наверняка, как знала и то, что на острове Мэн агент по недвижимости подыскивает для нее хороший дом. Словом, все шло по плану.

Первый месяц в Париже она много пила. Садилась на такси и уезжала на самую окраину, где просила водителя остановиться возле какого-нибудь ресторана, и не выходила оттуда уже до самого утра. Там она поглощала одну рюмку за другой и слушала журчащую французскую речь, сравнивая ее со своим, пока еще отвратительным французским, который она учила еще в Москве с помощью частного преподавателя. Однажды, оказавшись в пригороде Парижа, местечке под названием Севр, она сняла номер в гостинице «Адажио» и поселилась там с молодым парнем, имени которого она позже так и не смогла вспомнить. За бутылкой эльзасского вина он учил ее французскому и вообще много рассказывал о французах и Париже.

Утром, просыпаясь с тяжелой головной болью, она с отвращением смотрела на себя в зеркало, но потом просыпался ее любовник, и все начиналось снова: завтрак в постель, непременное вино, сигареты, блокнот, исписанный французскими словами, и секс в чистом виде.

Она вернулась в Париж похудевшая и нашла, что эта худоба ей даже идет. Избавившись от надоевшего любовника, она поняла, что ей неплохо живется и одной. Утром она подолгу валялась в постели, затем завтракала и уходила бродить по Парижу, обедала где придется и возвращалась в гостиницу за полночь. Заказывала себе ужин в номер и засыпала под звуки телевизора. В сводках новостей об Анне Рыженковой теперь практически не упоминалось. Об этом же ей сообщал по телефону и Вик, которому она звонила два раза в неделю, чтобы справиться о его делах, не сболтнул ли он кому чего лишнего о своей бывшей жене и не достают ли его спецслужбы, занимающиеся ее поисками. Она звонила на квартиру одного из друзей Вика в строго назначенное время – это была страховка в случае, если телефон Вика прослушивается ФСБ, – и каждый раз, когда она слышала голос своего бывшего мужа, сердце ее вздрагивало. Она так и не разобралась до конца, что же между ними произошло такого, что заставило их расстаться. Они словно пресытились друг другом и захотели свободы…

* * *

Анна смотрела на сидящего в кресле Матвея и, дрожа от пробиравшего ее холода и дискомфорта, связанного с тем, что на ней не было нижнего белья, напитывалась ненавистью по отношению к нему. Он не мог не прочесть это в ее взгляде и уже через пару минут после заданного вопроса, смысла которого она так и не уловила, поскольку просто задыхалась от злости, он снова ударил ее по лицу.

– Ты так и будешь молчать?

Она расхохоталась ему в лицо:

– Вы несете какую-то ахинею и задаете мне идиотские вопросы, а я должна вам на них отвечать? Это вы мне ответьте, что вы от меня хотите? Ну, да, положим, что я живу за границей, так что с того? Да, я была управляющей банком «Норд», дальше-то что? Я уже три года назад уехала из страны и живу так, как мне заблагорассудится. Я купила маленький домик на острове Мэн и изучаю право. У меня своя жизнь, а у вас – своя. Я никому ничего не должна…

Она специально бросила в конце эту фразу, чтобы спровоцировать Матвея («эту бестолочь») на новые потоки объяснений, в которых он плавал, как плавает только что родившийся котенок, брошенный в сточную канаву. Экономические термины, видимо, были его слабым местом.

Она испугалась по-настоящему только тогда, когда на столике, разделявшем их кресла, взорвался телефон, и человек, заговоривший через микрофон (который Матвей специально оставил включенным, так, чтобы она смогла услышать каждое произнесенное звонившим слово), сказал, обращаясь к Матвею:

– Ты меня слышишь? Я сейчас выезжаю, у нас мало времени, нас ждут. Папку с документами мы предъявим ей уже на месте, смотри, не упусти ее… Говорят, она стерва еще та и может выкинуть что-нибудь этакое… А нам пора заканчивать с ее делом, и так провозились столько времени! Ты меня слышишь, Матвей? Не спускай с нее глаз, а мы уже выезжаем. Все, общий привет…

Когда раздались длинные гудки, Матвей, швырнув трубку, вдруг сильно схватил Анну за руку и, глядя ей прямо в глаза, неожиданно произнес изменившимся и каким-то вкрадчивым голосом:

– А хочешь, я сейчас же ударю себя бутылкой по голове?

Она смотрела на него, ничего еще не понимая, а когда до нее дошло, ноздри ее затрепетали, и она снова, как много лет тому назад, почувствовала ворвавшийся в комнату вместе с запахами дождя и ветра аромат свободы… Она поняла смысл только что сделанного им предложения.

– Ты хочешь, – теперь уже и она перешла на это сближающее незнакомых людей и даже врагов «ты», – ты хочешь, чтобы я ударила тебя бутылкой по голове? Сколько же ты просишь за то, чтобы дать мне возможность вернуться обратно?

– Немного. Совсем немного. Всего десять тысяч фунтов, в валюте, разумеется… И не в долларах, а именно в фунтах. Ты поедешь к себе и привезешь мне их. А встретимся мы через неделю здесь же, в три часа…

– Одиннадцатого? Но я не успею собрать столько денег, к тому же, откуда возьмутся гарантии, что мое дело не будет возобновлено?

– Я отдам тебе папку с собранными нами документами взамен на деньги.

Она смотрела на него и пыталась найти в его глазах хотя бы какой-нибудь проблеск интеллекта, но не находила. Она видела перед собой ИСПОЛНИТЕЛЯ. И как же она не поняла этого раньше? Ведь у него же лицо полного кретина!

Хотя нет, он даже красив, чрезмерно красив, но вот умом явно не отличался. Его кто-то нанял. Нанял для того, чтобы он сделал ей это вполне конкретное предложение. Ведь все тут – живые люди, которым хочется подержать в руках настоящие английские фунты. Все просто как день.

– Мне не нравится, когда меня принимают за дуру, – как можно спокойнее ответила она, поднимаясь с кресла и направляясь к прихожей. – У тебя нет и никогда не будет папки с теми документами, которые меня интересуют. В лучшем случае, ты сделаешь с них ксерокопию, но ведь и я могу с таким же успехом принести тебе в сумочке ксерокопии фунтов стерлингов, и даже цветные…

– Ты привезешь деньги, и настоящие, а я отдам тебе настоящие документы. Иначе тебя найдут в океане с пробитой башкой, вот и все… Есть еще важная, на мой взгляд, для тебя информация: по просьбе моего руководства твоей компанией занимается Интерпол. И ты сможешь в этом убедиться, стоит тебе только вернуться домой… За твоим домом следят, машина запущена… Это не блеф, увы… – он развел руками.

– Тогда тем более, зачем ты предлагаешь мне какие-то вонючие документы, когда, по твоим словам, дело мое – труба?!.

От ее напускного спокойствия не осталось и следа. Ее било и колотило, она едва разжимала зубы, чтобы произнести слово. Что-то в ней надломилось…

– Мы В СИЛАХ ВСЕ ОСТАНОВИТЬ. Неужели ты думаешь, что все десять тысяч я возьму себе? Мне достанется в лучшем случае пять процентов. Так что – решай. Одно дело, когда тебя повяжут и передадут то, что ты награбила, государству, а другое дело, когда лишь незначительная часть твоих денежек попадет в карманы конкретных и вполне серьезных людей, которые потратили ох как много времени, прежде чем поймать тебя на этот крючок… И ты останешься на свободе! Ты же не маленькая девочка и прекрасно понимаешь, что даже с оставшимися деньгами ты сможешь ПОТЕРЯТЬСЯ в пространстве… Сейчас приедет человек, который не любит попусту тратить время. Для начала мы тебя повезем в баню, где с тобой попарятся наши друзья, которые всю жизнь мечтали о такой встрече… тем более что некоторые из них были клиентами твоего «Норда»… Вот и представь, во что они превратят тебя… ты просто не доживешь до утра!

Она содрогнулась, представив себе то, что ее ожидает в случае, если она сейчас же не даст согласие и не выберется из этой чертовой квартиры.

– Хорошо, я согласна. А теперь открой мне дверь, мне холодно, ты порвал мне чулки и все остальное…

– Для начала ты мне сделаешь вот так… – он причмокнул губами и принялся расстегивать свои брюки. Она ненавидела этот жест у мужчин. Расстегнуть брюки – это как зарядить оружие, чтобы потом убить, но предварительно унизить страхом, испугать, но потом-то все равно убить.

Но она понимала также, что стоит ей только отказаться делать эту мерзость, как то же самое ей придется делать другим мужчинам, о которых говорил Матвей… А так, если она подчинится, то уже через час или два будет на свободе. Она выберется отсюда, возьмет такси и поедет в гостиницу, где в первую очередь согреется в горячей ванне, а потом попросит горничную купить ей белье…

Он опустил ее на колени и положил свои руки ей на голову…

* * *

Спустя полчаса она сидела в такси и широко раскрытыми глазами смотрела на проносящиеся за окнами черные дома и мокнущие под дождем деревья… Это была вечерняя Москва, сырая, холодная, кишащая такими вот подонками, как тот, что мучил ее целый день. Москва, пухнущая изнутри от зловонного смрада полуразложившегося человеческого месива, стонущего от боли и унижения…

Она вспомнила, как, поднимаясь с пола, корчась от боли и отвращения, спросила все-таки своего насильника о сестре, жива ли она и что это за история с ее похоронами, на что получила такой ответ, от которого долго не могла прийти в себя… Он сказал, что ни о какой сестре ему ничего не известно и тем более о ее смерти и похоронах.

– Но разве не вы меня вызвали сюда, вот по этому адресу? – Она непослушной рукой достала из кармашка жакета записку с адресом, который сообщил ей по телефону человек, назвавшийся мужем Милы, и протянула Матвею.

– Я не знаю, кто тебя сюда вызвал, но мы следили за тобой весь последний месяц, и адресок этот срисовал НАШ человек с этой твоей записочки… Кажется, так.

Его ответ был уже из категории абсурда, ведь, если ИХ человек и СРИСОВАЛ этот адрес, чтобы поймать ее, тогда становится непонятным, где же муж Милы, который и сообщил ей этот адрес. Но больше всего Анну мучил вопрос: КТО? Кто из ближайшего окружения предал ее, кто сообщил о том, что ее вызвали в Москву, кто ОТТУДА?..

«Неужели Гаэль?»

Глава 2

«Такси мчало меня к гостинице, и я понимала, что у меня нет ни единой минутки для того, чтобы заехать к Вику, а ведь эту нашу встречу я представляла себе много раз… Мой самолет вылетал в десять вечера, а потому у меня оставалось лишь часа полтора на то, чтобы привести себя в порядок, согреться, поужинать и позвонить Гаэлю, чтобы он меня встретил. Меня меньше всего волновал вопрос, как я стану ему объяснять свой столь поспешный и неожиданный приезд, поскольку голова была занята более серьезными вещами, такими, например, как предательство одного из моих подчиненных. Я не могла поверить в то, что это Гаэль, слишком уж подлым надо быть, чтобы подставлять человека, который так много для тебя сделал. Да и какой смысл было ему работать на них или на Интерпол, если мы с ним прокручивали операции, прибыль от которых исчислялась в последнее время прямо-таки астрономическими цифрами… Мы рисковали, это верно, но зато в нашей жизни был смысл – мы работали изо дня в день только на себя и, как все нормальные люди, строили планы на будущее. Мы, наконец, собирались жить вместе. И то, что я редко подпускала Гаэля к себе, вряд ли могло послужить причиной его предательства. Пресыщение еще никому не шло на пользу, и я, как могла, объяснила это ему в свое время. У него появились знакомые девушки, с которыми он проводил уик-энды, у меня – мужчины, с которыми я проводила ночи. Гаэль томился, и от сознания этого я любила его еще больше. Он копил свою страсть, свою нежность, чтобы однажды все эти чувства, достигнув пика, достались только мне и никому более, чтобы он в полной мере смог оценить ту восхитительную свежесть ощущений, без которых немыслим настоящий секс. И, как мне кажется, он понимал это…

Нет, это не Гаэль! Он слишком привязан ко мне, чтобы своими нежными руками упрятать меня за решетку. Он должен понимать, что не будет меня, не будет „MCAL“ – этого финансового монстра, пустившего свои жирные метастазы по всему миру. Мы открыли свои филиалы в четырнадцати странах, и последний – в Эмиратах. Да никакая мировая идея не стоит краха империи, которую я создала своими руками. И даже не столько руками, сколько головой. В том мире, который я покинула три года назад, деньги не работали, они плесневели и гнили. И только на острове Мэн, на этой благодатной почве, я вырастила свои первые золотые всходы…

Поднимаясь в лифте на четырнадцатый этаж, где располагались мои апартаменты, я благодарила Бога за то, что Матвей не лишил меня кредитных карточек и что, пока я при них, моя жизнь находится вне опасности. Главное, чтобы ОНИ не перехватили меня по дороге в аэропорт…

И все равно я не могла тогда поверить в то, что со мной произошло на Солянке. Полумертвая от холода, боли и унижений, которым я только что подверглась, я несколько раз вполне серьезно пыталась проснуться, чтобы оказаться либо в самолете, либо, на худой конец, в гостинице, но ничего такого не происходило, и тело мое продолжало содрогаться под тоненьким костюмчиком…

На мое счастье, из обоих кранов шла вода: горячая и холодная. Я забралась в ванну и пустила горячую воду. Горничная, которую я вызвала по телефону, нашла меня в облаке пара и даже испугалась за мое сердце.

– У вас все лицо красное, вы не боитесь, что сваритесь?..

Я приоткрыла глаза и сквозь пелену пара увидела перед собой симпатичное создание в черном форменном платьице и белом переднике.

– Я долго стучала, но потом подумала, что вы в ванной комнате… Вам что-нибудь нужно?

– Записывайте… – и я продиктовала ей довольно внушительный список необходимых мне вещей. Если честно, то я, конечно же, забылась и поступила крайне неосмотрительно, взяв в дорогу лишь зубную щетку. Но я привыкла путешествовать налегке, поскольку в тех отелях Европы, где я останавливалась, у меня никогда не возникало проблем, где что взять или купить. Другое дело – Россия. Здесь, оказывается, с тебя могут в любой момент стащить чулки и разодрать белье…

Горничная, держа в руке список, смотрела на меня уже с большим интересом, чем прежде.

– Мне кажется, что вы забыли еще одну вещь, без которой вам придется довольно сложно… – произнесла она тоном человека, который знает, о чем говорит.

Я уставилась на нее, не скрывая своего удивления. Откуда ей знать, что мне может понадобиться в следующую минуту, и что она вообще имеет в виду?

– Вам нужен маленький дамский пистолет, – спокойно ответила она, глядя куда-то мимо меня. Я оглянулась и пожала плечами – я все еще не понимала ее.

– У вас такие шикарные бриллиантовые серьги, а вы ходите по улицам без оружия… Ведь вы же приехали сюда из Лондона и ничегошеньки не смыслите в НАШЕЙ жизни. Даже у меня есть пневматический пистолет, и им, между прочим, запросто можно уложить любого гада. Вы можете мне, конечно, не поверить, но у вас же лицо в ссадинах, а на шее какие-то пятна… На вас напали, и вы не хотите обращаться в милицию – себе дороже, ведь так?

– Приблизительно… Да, конечно, напали… в метро… Но у меня скоро самолет, поэтому нет смысла куда-то обращаться…

– И что же они от вас хотели? Серьги-то на месте.

– Они не успели, – врала я, чувствуя, что сердце мое готово выпрыгнуть из груди, до того я распарилась. И тут мне по-настоящему стало дурно: я подумала, что она тоже имеет какое-то отношение к Матвею. А почему бы и нет? ФСБ – организация на редкость серьезная, в ней тысячи агентов, которые, как тараканы, готовы упасть вам на голову в любую минуту, и никакого дуста не хватит…

– Как вас зовут? – спросила я, делая попытку выбраться из ванны, и, придерживаясь за скользкую стену, потянулась за полотенцем.

– Наташа.

– Наташа, у меня очень мало времени, поэтому прошу вас поторопиться и принести мне все, о чем мы договорились… Деньги у меня в сумочке…

Я с трудом доползла, придерживаемая Наташей, до спальни, где лежали сваленные на пол вещи, и достала сумку.

– Вот деньги… И выключи, пожалуйста, свет…

Когда Наташа ушла, я забралась в постель и укрылась одеялом. Меня знобило, захотелось выпить, и я, в темноте дотянувшись до телефона, заказала ужин в номер.

И в это самое мгновение, едва я положила трубку, дверь номера отворилась, и я увидела свою сестру. Милу. Она была совсем прозрачной. В спальне было темно, и только голубоватый призрачный свет, льющийся из окна, позволял различать очертания предметов…

– Ну, здравствуй, сестренка… – она остановилась в двух шагах от кровати, на которой я лежала, и протянула ко мне руки. – Вот ты и приехала… А я уж думала, что никогда не свидимся…

Голос ее немного дрожал и звучал несколько неестественно, гулко и в то же время едва слышно.

– Мила? – Я судорожным движением натянула одеяло до подбородка и вся сжалась. Я понимала, что вижу перед собой если не привидение, то, во всяком случае, проекцию своего недремлющего подсознания, которое в течение вот уже двух дней цепко держало в своей памяти образ Милы. Живой или мертвой. Она немного изменилась, даже похорошела. Волосы у нее отросли и блестели на плечах, словно полиэтилен.

– Как поживает Вик? Ты заезжала к нему? Ты проведала его?

Мила всегда пользовалась одними и те ми же духами, дешевыми, с карамельным запахом, и назывались они смешно – „Соло“. Вот и сейчас в гостиничном номере сильно запахло этими духами. Я резко включила свет – привидение исчезло. А запах остался.

В дверь постучали, и я тихо отозвалась. Тотчас в проеме показался черный силуэт, постепенно на глазах превращающийся в молодого человека, вкатывающего в комнату столик на колесах. Ужин прибыл.

Накинув на себя халат, я вышла из спальни, доплелась до кресла в гостиной и рухнула в него. Сил у меня уже почти не оставалось.

Я поблагодарила парня кивком головы, дала ему доллар и попросила зажечь верхний свет.

– У вас здесь водятся привидения? – спросила я, все еще не переставая щуриться от яркого света.

– Водятся, у нас здесь и домовые водятся…

– Хорошая гостиница, основательная. В плохих гостиницах домовые не водятся, они там завшивеют и умрут с голоду… – поддержала я его болтовню. – От вас пахнет женскими духами…

– Хорошо пахнет? – как-то уж совсем по-свойски спросил он полушепотом, почти интимно, словно он надушился специально для меня и теперь ждал моей реакции.

– Не очень-то… Как называются духи? Что-то до боли знакомое…

– „Соло“.

Я молча смотрела, как юноша сервирует стол, открывает сверкающие серебряные крышечки с блюд, нарезает мясо, наливает вино. Этот идиот, облившийся духами моей покойной сестры».

* * *

Гаэль встретил ее в аэропорту, и не в силах больше терпеть эту внешнюю холодность, сжал Анну в своих объятиях.

– Когда ты мне позвонила, я чуть с ума не сошел от радости… Ты опоздала? Твою сестру похоронили без тебя, и ты решила вернуться домой? Послушай, я… у меня здесь новости, не очень хорошие, правда, но, быть может, виной этому только моя мнительность и ничего больше…

Они сели в машину, и Гаэль, нервничая, чуть не врезался в стоящее слева такси.

– Ты какая-то не такая… Что с тобой? – держа одной рукой руль, другой он обнял ее и даже нашел несколько секунд для того, чтобы прижаться щекой к ее плечу. – Ты уехала в черном костюме, а возвращаешься во всем белом… Откуда у тебя этот плащ? Эти брюки?

– Пожалуйста, Гаэль, не спрашивай меня ни о чем… Я не в настроении… – Анна сидела, выпрямившись, как застывшая кукла, и Гаэль не мог видеть ее глаз, спрятанных за стеклами темных очков.

– Что-нибудь случилось?

– Да. На меня напали бандиты в метро, шестеро, и все по очереди изнасиловали, прямо возле Красной площади…

– Ну у тебя и шуточки…

– А если серьезно, то дела мои плохи. И если ты работаешь на НИХ, то давай сразу же обсудим уже ТВОИ условия… Ты знаешь, деньги у меня есть, так что не стесняйся, назначай свою цену… – она с тихого истеричного шепота постепенно перешла на нервные вскрики, еще мгновение, и Гаэль услышал, что она рыдает, уткнувшись ему в плечо, в голос, как никогда… Так выражает свои чувства человек, у которого уже ничего в жизни не осталось, кроме права разрыдаться на чьем-нибудь плече…

Никогда еще дорога не казалась ему столь долгой и утомительной. Никогда еще никто так не рыдал на его плече, доверительно склонив голову ему на грудь, почти заслоняя все видимое пространство; и он в конце концов сдался, остановил машину и принялся успокаивать закатывающуюся в истерике Анну.

– Ну, все, ты уже почти дома… Все будет хорошо… Что случилось, Энн?

По-английски ее имя звучало как «Энн», и она от этого нежного «Энн» начала потихоньку приходить в себя и принялась сбивчиво рассказывать Гаэлю о своей встрече с Матвеем, о его грубом к ней отношении, не признаваясь, единственно, в изнасиловании… Из ее рассказа выходило, что она приехала по указанному адресу, но вместо мужа Милы там оказался работник ФСБ по имени Матвей, который сначала избил ее, а потом предложил ей выкупить все собранные его организацией документы, подтверждающие ее преступную деятельность как на

территории России, так и в других странах.

– Значит, мне это не показалось… – произнес, побледнев, Гаэль и тяжело вздохнул. – Я говорил тебе, что пора остановиться и сменить место жительства. Нет, ты прикипела к этому острову… Я ведь уже нашел квартиру в Цюрихе, помнишь, я звонил тебе оттуда и спрашивал тебя о задатке?..

– Послушай, – Анна достала носовой платок и высморкалась. Растрепанные рыжеватые волосы делали ее сейчас похожей на подростка, заплаканного и обиженного на весь свет, – у нас все документы в полном порядке. Мы развиваемся, а разве это возбраняется законом? Вся наша работа вот уже полтора года как стала прозрачной и доступной для всех и вся; кому я помешала? Мы с тобой заплатили дорогую цену за этот покой, я уже сбилась со счета… кому мы только не перечисляли деньги, кого только не подкупали… Пора бы оставить нас в покое.

– Ты всегда играла с огнем, иначе ты просто не могла… – робко вставил Гаэль, сжимая руль от досады на себя за то, что не нашел в себе силы успокоить Анну, а поддался ее панике, и теперь разволновался до дрожи в руках. Он закурил и откинулся на спинку сиденья.

Анна, достав из сумочки пудреницу, пуховкой припудрила нос, затем подкрасила помадой губы и тоже закурила.

– Ты что-то говорил о плохих новостях… Что еще свалилось на мою бедную голову?

– Вокруг твоего дома постоянно вертятся два каких-то типа. Раньше я их нигде не видел, они то сменяют друг друга на посту, а то, встретившись, прячутся под каштанами, подолгу беседуют и курят. Мне кажется, что это по твою душу.

– Глубокая мысль.

– Но ведь теперь, когда ты мне рассказала, что произошло с тобой в Москве, появление этих типов лишний раз доказывает, что ОНИ не шутят…

– Ты испугался, милый мой Гаэль? – Она, всхлипнув, снова склонила голову ему на плечо. – Нам надо что-то придумать, но это потом… А сейчас собери мне наличные, всего-то десять тысяч фунтов… Непонятно только, зачем было вызывать меня в Москву, если предложить мне эту гнусную сделку можно было и здесь, тем более что у них на острове, по словам Матвея, есть свой человек. Это случайно не ты?

– Поедем ко мне, – вдруг предложил он, чувствуя, как истосковался по Анне, по тому теплу, которое он получал только в ее объятиях. – Поужинаем и ляжем в постель, там как-то лучше думается… Ты вчера улетела, а я всю ночь не мог уснуть и постоянно думал о тебе, вспоминал то время, когда мы были вместе… Я давно хотел тебя спросить, почему…

– Тсс… – она зажала ему рот рукой. – Я и сама хочу того же, что и ты… Поедем. Ты и представить себе не можешь, насколько несчастной и одинокой я почувствовала себя вчера, когда этот тип бил меня по лицу… Видишь, у меня до сих пор губа болит и вон как распухла…

Она положила руку себе на живот и мысленно пожаловалась Гаэлю на то, что позволял себе Матвей, как больно он делал ей… Она вспомнила тот леденящий холод, который она испытывала, возвращаясь в гостиницу в одном костюме и без трусиков. Ей удалось согреться лишь после того, как горничная Наташа принесла ей пакет с бельем, чулками и теплыми вещами, которые девушка купила в соседнем универмаге. Даже после горячей ванны и горячего ужина Анна продолжала дрожать до тех пор, пока тело ее не ощутило на себе шелковистое прикосновение нежного кружевного белья, уютных шерстяных брюк и свитера.

– А действительно, зачем им было вызывать тебя в Москву?

– Гроб! – вдруг воскликнула она. – Там же в подъезде стояла крышка гроба, но самого гроба в квартире не было, это точно… Или, постой… А что, если Мила находилась в это время где-нибудь неподалеку, в соседней комнате, ведь я не имела возможности осмотреть ВСЮ квартиру… Ведь эти люди ни перед чем не остановятся, и я могу даже предположить самое ужасное – они убили ее мужа, мужа Милы, чтобы только он не мешал им… Боже, что я такое несу! У меня температура, потрогай мой лоб… Гаэль, мне страшно… – прошептала Анна, глотая слезы.

* * *

«Когда мы легли с ним в постель и я начала рассказывать ему о том, что увидела в московской гостинице привидение, напоминающее Милу, он посмотрел на меня так, как смотрят на слабоумных, обиженных Богом детей.

– Не смотри на меня так… Она даже говорила со мной, правда, я смутно помню, о чем именно… Но она была такая бледная… Знаешь, Гаэль, я поступила жестоко с ней тогда, несколько лет тому назад. Но если бы ты знал ее, то понял бы меня и простил…

Но он не слушал меня; после ужина с вином он видел во мне только женщину, способную удовлетворить его, а у меня не было сил сопротивляться, и хотя мое тело еще не позабыло ударов другого мужчины, который тоже претендовал на обладание мною, я не нашла в себе сил отказать Гаэлю. Он слишком долго ждал этого вечера, чтобы отказать ему. Он бы не понял и, возможно даже, ушел от меня. А мне в то время был нужен только он. Хотя, если уж быть до конца искренней, то ни Гаэль, ни Вик не могли мне за все эти годы заменить единственного мужчину, которого я любила и который, в принципе, и сделал меня такой, какая я есть. Игорь. Он погиб, как погибают крылатые мужчины. Он был птицей, причем очень высокого полета. Его подстрелили, когда он был уже настолько высоко, что, будь он даже ранен, он бы не долетел живым до земли… Он был старше меня на восемь лет и продавал газ, который нашли в пятнадцати километрах от С. Вернее, он продавал документы на этот газ и получал за это валюту. И когда те, кто платил за этот газ, поняли, что им продавали воздух, моего любовника расстреляли в упор, когда он выходил из ресторана. И, как мне кажется, он знал, что кончит именно так, потому у него никогда не было телохранителей; больше того – он никогда не носил при себе оружия, хотя в его квартире был целый оружейный склад… Он жил одним днем, одним часом, одной, отпущенной ему минутой. А я всегда была рядом, я была его тенью, я боготворила его и всегда хотела быть такой же, как он. И вот теперь собираются выстрелить в меня. Какой-то подонок по имени Матвей. Неужели и меня ждет судьба Игоря?

* * *

Гаэль ждал от меня ответных ласк, но их не было, их просто не могло быть после всего, что со мной случилось. Многие женщины после того, как их изнасилуют, прибегают к услугам психотерапевтов, которые пытаются вернуть им образ мужчины-любовника, мужчины-защитника. Я же вместо того, чтобы зализывать свои раны в одиночестве у себя дома под собственное завыванье, отдалась изголодавшемуся по мне зверенышу. Это ли не безумие?

– Ты устала? – спросил он меня, и я увидела склоненное надо мной красивое лицо с огромными темными глазами, чудесные губы, пахнущие вином и молоком – очень странный, теплый, полумужской-полудетский запах… – Хорошо, можешь не отвечать, я и так все понимаю: ты просто не можешь забыть Москву… Энн, давай сбежим?! Прямо сейчас поедем в аэропорт, а оттуда куда-нибудь в Африку, Австралию… Мир такой большой, а у нас с тобой есть деньги…

– Гаэль, я не хочу, чтобы как-нибудь ты нашел меня на берегу океана с пробитой головой… – я почувствовала, как слезы заструились по моим щекам, мне показалось даже, что я слышу голос Матвея. – Так что собирай наличные, одиннадцатого вечером я вылетаю в Москву…»

* * *

Пол Фермин, которого она вызвала на следующее утро к себе в офис, выслушав ее, некоторое время сидел неподвижно, все еще отказываясь верить в происходящее. Он даже тряхнул головой, после чего втянул ее в плечи, словно проверяя, его ли это голова или она принадлежит какому-нибудь идиоту, лишенному способности постигать реальность такой, какова она есть на самом деле.

Они сидели в кабинете вдвоем – хозяйка «MCAL» и ее доверенное лицо, адвокат, находящийся в курсе абсолютно всех ее дел, связанных с деятельностью фирмы. Зная прошлое Анны, он тем не менее уважал ее за ум, поскольку до встречи с ней был твердо уверен, что женская голова набита если не шпильками, то уж, во всяком случае, не мозгами, это точно. Анна наняла его после того, как Гаэль стал ее официальным любовником. Она изо всех сил старалась не смешивать работу со своей личной жизнью, но, поскольку это редко когда удавалось, ей приходилось подчас довольно сложно, когда она вставала перед выбором: кому довериться – мужчине, с которым спит, или мужчине, которому платит жалованье. В сущности, предать могли оба, однако общие дела, связанные с

риском, сближали, по ее мнению, куда больше. Разумеется, Гаэль много знал, но Пол был опытнее его и как юрист, и как человек, а потому все дела, связанные с русскими, а точнее, якутскими алмазами, вел в основном он.

Когда Анна рассказала ему в общих чертах, что с ней произошло в Москве, Пол понял, что этот шантаж может продолжаться до тех пор, пока из «MCAL» не выкачают все деньги, но это лишь в том случае, если человек, назвавшийся Матвеем, действительно имеет какое-то отношение к ФСБ. Интерпол, представители которого уже навещали Фермина в отсутствие Анны, задавали довольно безобидные вопросы, и, как он понял, у них на Анну не было ничего сколько-нибудь серьезного. Ему даже показалось, что их куда больше интересовали посреднические фирмы, осуществляющие связь «MCAL» с финнами, нежели личность Анны Рыженковой. Ведь за три года существования фирмы их проверяли не один раз, и всегда все проверки заканчивались благополучно. Правда, это приходилось оплачивать из своего кармана.

– Скорее всего это блеф, – сказал он наконец, доставая сигару и раскуривая ее быстрее, чем обычно.

Пол Фермин был высоким лысоватым мужчиной, неулыбчивым, спокойным и рассудительным. Он хорошо одевался, любил мужскую бижутерию и очень аккуратно пользовался духами. Но все это не мешало ему метко стрелять, бегать, боксировать… Стрелял он на охоте, бегал по утрам вокруг своего особняка, который купил полгода назад на побережье, а боксировал со своим родным братом на уик-эндах. Пол не был женат и содержал любовницу, которую навещал не более двух раз в неделю. Ее звали Лора.

– А раз это блеф, то я поеду с тобой и сам лично вручу этому мерзавцу деньги… Я знаю одного человека в Лондоне, который поможет мне буквально за сутки подготовиться к встрече… У него свои люди в Москве, он из бывших русских и знает, к кому обратиться…

– Ты имеешь в виду нашу охрану?

– Охрана – это пустяки. Там нас могут охранять от аэропорта до аэропорта, а здесь люди этого Матвея пристрелят тебя… Поэтому необходимо найти человека, который нанял Матвея, а через него выйти на ту скотину из ФСБ, которая разработала эту идею. Ведь ты же сама сказала, что тебя выманили

рассказом о сестре и в подъезде ты увидела крышку гроба… Знаешь, о чем это говорит?

– О чем, Пол?

– О том, что они основательно готовились к встрече с тобой. Вот поэтому-то я и хочу сам подготовиться к ответному ходу. Уверен, что это самый настоящий русский рэкет, это мафия, как ни смешно и пошло это звучит… И ФСБ здесь совсем ни при чем. Достаточно пролистать подборку московских газет трехлетней давности, чтобы вспомнить историю банка «Норд» и его управляющую, остальное – дело рядового и продажного фээсбэшника, за тысячу долларов готового выкрасть из-под носа своего начальства папку с ксерокопиями документов, связанных с ранним этапом следствия… Ты же не маленькая девочка и должна понимать, что дело в Москве на тебя уже заведено… И благодари Господа за то, что тебе встретились такие люди, как Гаэль и твой покорный слуга, которые помогли тебе привести в порядок всю твою бухгалтерию…

Анна слушала его, забравшись с ногами в кресло. В желтом шерстяном свитере и джинсах она сейчас мало походила на банкиршу и вообще на ту решительную леди, которая развила на острове Мэн такую бурную деятельность… Перед Полом сидела запуганная, маленькая и хрупкая женщина с усталыми глазами. Ее растрепанными волосами играл прохладный ветерок, залетавший в кабинет из полураскрытого окна.

– Энн, ты не заболела? У тебя температура?

– Да, температура, но я все равно поеду. Лучше уж быть с высокой температурой, чем с минусовой, согласись…

Это она так шутила. Пол вдруг почувствовал к ней влечение, как тогда, в их первую встречу, когда она пригласила его для беседы. Были у него сексуальные порывы и позже, когда они подолгу оставались вдвоем в офисе и работали до утра с документами, но он всегда гасил их в себе, представляя Энн в объятиях Гаэля. Он был великим собственником, обожавшим свои, ЛИЧНЫЕ вещи, и как восторгался бы он новым кожаным портмоне ручной работы, так восторгался бы он и Энн, будь она его законной женой. Но она принадлежала сразу нескольким мужчинам (Пол знал в лицо всех ее любовников), поэтому он не позволял себе

расслабляться и даже мечтать о ней. Она была для него ЧУЖОЙ вещью, на которую он не имел права даже смотреть. Будь она проституткой, он бы позволил себе в отпущенное ему с ней время ВСЕ. Он бы оплатил это удовольствие. Но Энн не была проституткой. Она была дорогой и роскошной женщиной, принадлежащей лишь самой себе.

– Возьми себя в руки и успокойся. Деньги я соберу через пару дней. Ты правильно сделала, что позвонила мне вчера и попросила заказать наличные…

– Могу представить, какое у тебя было лицо, когда я попросила тебя об этом…

– Разумеется, я был удивлен, поскольку уже забыл, когда расплачивался наличными. Но ты не переживай, я тебе уже все объяснил… У нас есть деньги, следовательно, ты можешь рассчитывать на помощь той самой русской мафии, которая тебя же и запугала… Деньги – это все, и я бы на твоем месте вытер слезы… Тебе дать аспирину?

– Меня Гаэль накормил утром целой горстью лекарств… Может, поэтому меня сейчас так тошнит… Спасибо тебе, Пол. Я немного успокоилась. Звони своему знакомому, пусть он свяжется с Москвой… Сейчас за мной заедет Гаэль и отвезет меня домой, мне надо выспаться… Да, кстати, когда будешь собираться в Россию, не забудь взять плащ или даже пальто, лучше все-таки пальто, там, в Москве, холодно, ветер и дождь, в общем, мерзкая погода… Я там так замерзла, неудивительно, что у меня поднялась температура. Ты, я надеюсь, уже заказал билеты?

* * *

«На мне в тот день был теплый брючный костюм черного цвета и длинное кожаное пальто на меховой подстежке. В сумочке рядом с пачкой денег лежала острая и длинная серебряная шпилька, приготовленная специально для Матвея. Я была готова встретиться с Москвой.

Пол и Гаэль, пока мы ехали в Хитроу, как могли подбадривали меня в машине, даже пытались рассмешить.

Мы успели все сделать в последнюю минуту: я оформила доверенность на Гаэля, и теперь он должен был вести наши дела, пока нас с Полом не будет. И я была уверена, что, когда мы вернемся, тридцать миллионов долларов осядут в одном из наших швейцарских банковских филиалов: плата за проданные якутские алмазы, доставленные в Париж послом одной крошечной африканской страны. Эти алмазы путешествовали по миру в течение двух с половиной месяцев, заметая за собой следы при помощи русских шоу-мэнов и политиков, пока не оказались в дипломатическом багаже этого смешного чернокожего человека, который в свое время учился вместе с Фермином в Сорбонне. Мы довольно часто пользовались его услугами, помогая ему, в свою очередь, средствами для организации предвыборной кампании его ближайшего друга и нынешнего президента той страны, которую он представлял в Москве.

Но тогда мне было не до алмазов, аспирин так и не сбил температуру, и я чувствовала себя отвратительно: все суставы болели, кости ломило, а голова просто-таки раскалывалась. Гаэль протянул мне фляжку с виски, и я сделала несколько глотков…

Он, мой милый Гаэль, долго махал нам рукой, пока мы не потеряли друг друга из виду… Мне казалось, что аэропорт проглотил Гаэля и теперь собирается проглотить меня… Все перед моими глазами расплывалось, и только присутствие неунывающего Пола поддерживало меня и вселяло надежду на то, что уже очень скоро все будет кончено и мы вернемся в этот же аэропорт с папкой, которую сожжем прямо на лужайке перед моим домом… Дело Анны Рыженковой превратится в дым, в пепел…

Я плохо помню перелет. Должно быть, я спала, потому что, когда проснулась, мы были уже в Москве. Я была вся мокрая от пота.

– Ты стонала и бредила во сне, – сказал мне Пол, когда мы с ним спускались по трапу, и ледяной ветер с дождем холодил наши лица. – Бедняжка… Вот передадим сейчас деньги, и ты хорошенько выспишься в отеле… Энн, постой-ка, дай-ка я тебе подниму воротник… Ну и погодка! Иди сюда…

И он так нежно привлек меня к себе, словно я была ему самым близким человеком на свете. Он поцеловал меня и крепко обнял. Когда-то, в другой жизни, примерно таким же образом меня подбадривал другой мужчина…

– Ничего не бойся, слышишь?

Я до сих пор чувствую его запах, слышу его голос и ощущаю его нежные прикосновения…

– Садись вот сюда, здесь не так сильно дует, а я пойду найду такси…

Он ушел и растворился в ледяных сумерках, окружавших аэропорт Шереметьево-2, а я осталась ждать его, сотрясаясь от озноба и с трудом понимая, что вокруг меня происходит и где я нахожусь. Похоже, в тот вечер у меня была температура градусов сорок, а то и все шестьдесят…

Но я так и не дождалась своего Пола Фермина. Поднялась с кресла, на котором чуть не уснула, и поплелась к выходу.

Среди суетящихся перед дверями пассажиров, прибывших, очевидно, тем же рейсом, что и мы, Пола не было видно. Затем произошло какое-то движение, послышался какой-то шум, и прямо передо мной возникла из тумана (хотя возможно, что этот туман возник из моей больной головы) машина „Скорой помощи“, откуда выкатили и куда-то унесли носилки.

Мне стало нехорошо. Дурные предчувствия мешали мне сосредоточиться и вообще что-либо соображать. Ведь я должна была искать Пола. Сумка с деньгами была при мне. „Дипломат“ Пола остался при нем. Ну не мог же он сбежать и оставить меня одну в аэропорту – в этом не было никакого смысла. Будь он с НИМИ, зачем же ему тогда было везти меня в Москву? Он мог бы договориться с Гаэлем (который теперь, кстати, имел те же права и полномочия, что и я), и прибили бы меня, не отходя, что называется, от офиса, после чего закопали бы в цветочной клумбе. Все так просто…

И тут я увидела Пола. Его несли на носилках. Его светлое пальто было в крови, голову, простреленную в области виска, прямо на моих глазах прикрыли белой простыней… Последнее, что я увидела, были мокрые подошвы ботинок Пола. Эти ботинки ему привез тот самый африканский посол, с которым они дружили и который довольно часто прилетал в Лондон по своим делам. Ботинки были из натуральной змеиной кожи и стоили что-то очень дорого…

И я вдруг подумала тогда, что его ботинки уже этим же вечером будет примерять какой-нибудь русский… Ведь они чистые, на них нет крови.

* * *

Я поняла, что ОНИ не шутят, им было важно, чтобы на встречу я приехала одна. Они убили Пола, моего верного помощника и преданного друга, они застрелили его, едва он показался в дверях… Я поняла это, когда подслушала разговор стоявших неподалеку от меня двух мужчин, которые явно были свидетелями разыгравшейся на их глазах трагедии.

Я не помню, как очутилась в такси. Просто остановила первую попавшуюся машину и назвала адрес. Мысль о том, что те, кто убил Пола, могли бы с таким же успехом убить и меня, чтобы похитить сумку с деньгами, не давала мне покоя. Ведь тогда им не пришлось бы обменивать на них папку с документами, тем более что эти бумаги все равно будут фальшивыми. Такова логика вещей. Бандиты с большой дороги обвели меня вокруг пальца, попользовались мною и теперь собирались ограбить меня…

Я не узнавала себя. И никак не могла взять в толк, как же могло случиться, что Москва, которая воспитала меня и подарила мне лотерейный билет, называемый удачей, теперь отвернулась от меня… Да, действительно, поначалу, когда мы с Виком только приехали сюда, в этот распираемый от амбиций и перегруженный такими же искателями приключений, как мы, город, нам было трудно. Но первое, что мы сделали, это, просмотрев все объявления в первой попавшейся газете, нашли квартиру. Недорогую, на девятом этаже в районе Крылатского. Денег, которые я украла у своей сестры (именно украла, причем самым циничным образом, запустив руку в шкатулку, где она хранила все свои накопленные доллары для покупки новой фотоаппаратуры), хватило, чтобы заплатить за месяц вперед да на приличный ужин в недорогом кафе. Мы поужинали, добрались до квартиры и завалились спать. И, только выспавшись и надышавшись свежим, хотя и сырым московским воздухом, который врывался в комнату через открытую форточку, мы встали, умылись, позавтракали (а точнее, выпили по чашке кофе) и отправились добывать деньги. И никакой речи тогда не могло быть о том, чтобы искать себе постоянную работу. При помощи книг и справочников, журналов и газет, в которых давались советы, каким образом следует искать себе работу, словом, той литературы, которую мы тщательно изучали еще в С., готовясь к поездке в Москву, мы отлично уяснили себе, что,

помимо моего диплома Экономической академии и свидетельства об окончании курсов арбитражных управляющих, мне необходимо соответствующим образом выглядеть и что внешний вид играет в этом деле не последнюю роль. Кроме того, мы запаслись двумя рекомендательными письмами, подкрепленными телефонными звонками: эту поддержку мне оказал мой преподаватель-экономист, Барышников, у которого были большие связи в Москве в комитете по банкротству, и один не последний человек из с-ской администрации, с которым мне пришлось пару раз переспать, чтобы он соизволил снизойти до письма некому Р. из Федерального агентства по банкротству. Я знала, я чувствовала те золотые рычаги, которые мы с Виком приведем в движение и которые помогут мне сориентироваться в московской системе банков. Ведь мне, в конечном итоге, предстояло выбрать банк, управляющий которого смог бы по достоинству оценить мои способности и постепенно передать мне один из своих филиалов. Вик хотя и говорил, что планка моих амбиций и претензий более чем завышена, но все равно помогал мне, и если уж быть до конца справедливой к нему, то попросту СЛУЖИЛ мне, забывая подчас о себе, точнее, о СВОИХ потенциальных возможностях и перспективах, которые постепенно открывала перед ним столица. Ведь Вик был умным и решительным человеком, способным не хуже меня развить бурную деятельность с тем, чтобы занять СВОЮ нишу если не в финансовой системе, то, уж во всяком случае, в игорном бизнесе. У него для этого были все задатки афериста с большой буквы. Он знал о картах, рулетке и прочих азартных играх практически все. Кроме того, он обладал незаурядными способностями по части логического мышления и мог просчитать на много ходов вперед не только карточную игру, но и саму жизнь. Возможно, этот дар был синтетическим, поскольку, кроме логики, он обладал завидной интуицией и, самое главное, памятью. Ему ничего не стоило, занимаясь вплотную моими делами, параллельно устраивать и свои, но его беда заключалась в том, что ему от всех его способностей и возможностей становилось вдруг нестерпимо скучно, и он не раз признавался себе, что мог бы уже сейчас быть богатым человеком (правда, по локоть в крови, поскольку внедрение в полукриминальный мир ночных клубов и казино было просто немыслимо без крови), но ему от одних этих мыслей уже становилось тошно… Быть может, дело было в том, что ему вообще мало было нужно от жизни? Он любил вкусно поесть, выпить и совершенно не мог обходиться без женщины. Но этого было маловато для карьеры. Он не был честолюбив и никогда, в отличие от меня, не стремился к большим деньгам. Скорее всего он был игрок, который получал куда больше удовольствия от самого процесса игры, сопряженной с риском, чем от сознания того, что он выиграл и, главное, заработал на этом какие-то деньги.

Это теперь-то мне ясно, почему он сошелся с Милой, такой же бессребреницей, как он. Они были превосходной парой, эти сумасшедшие… И если Мила воспринимала Вика как свое продолжение, как человека, который постепенно превратился бы в ее часть, то у меня в отношении него были совсем другие планы. Я собиралась использовать его. И использовала. СПОЛНА.

Так вот. Я остановилась на том, что нам необходимо было добыть деньги. Я должна была выглядеть более чем роскошно и произвести совершенно неизгладимое впечатление на моего потенциального работодателя, которого я тогда еще и представляла себе с трудом. Это будет банкир, но банкир слабенький, сумевший взобраться на банкирское кресло исключительно благодаря поддержке других, но никак не своим умом. И этого человека мне предстояло вычислить путем знакомства с людьми, которым я должна была вручить письма… Р., – для начала я должна была ослепить его.

Где раздобыть денег рано утром в холодной и промозглой ноябрьской Москве?..

Вик заботливо поднял на мне воротник поношенного старенького плаща, поцеловал меня и улыбнулся. Он был так красив, этот Вик, что прохожие женщины, я думаю, завидовали мне черной завистью, когда видели, как этот великан с копной темных волос, этот породистый мужчина с бледным лицом и пронзительно голубыми глазами обнимает меня у всех на глазах и целует нежно, как ребенка…

– Не горюй… Я знаю, где мы раздобудем денег… Но только обещай, что не будет никаких сцен…

И я не успела толком ничего сообразить, как он вдруг кинулся прямо под проезжающий мимо нас белый „Форд“…»

Глава 3

На лестничной площадке уже не было крышки гроба.

Анна остановилась в нерешительности перед дверью и долго смотрела в черный зрачок «глазка», словно пытаясь встретиться взглядом с человеком, поджидающим ее в квартире и стоящим, как ей казалось, на расстоянии одного шага от нее. Их разделяла всего лишь дверь.

Если это Матвей, рассуждала она, внутренне содрогаясь при мысли о том, что он снова попытается изнасиловать ее, то он получит сполна…

Серебряная, довольно острая шпилька была просунута в рукав, в подкладку шерстяного жакета таким образом, чтобы в нужный момент Анна могла быстро извлечь ее и сунуть, скажем, в глаз своему насильнику…

Она позвонила. Дверь открылась не сразу.

Да, это был Матвей. Но он плохо выглядел. Был бледен и казался расстроенным. Мужчины в таком состоянии обычно не насилуют.

– Проходи… Что-то ты припозднилась. Самолет-то когда приземлился?

Он был одет так же, как в прошлый раз. Черная одежда лишь подчеркивала его резко обозначившуюся худобу и нездоровую белизну лица, которое казалось напудренным.

– Я долго не могла найти такси, – тихо ответила она, из последних сил стараясь не расслабляться: она бы не смогла в тот момент объяснить, каким образом шпилька оказалась уже зажатой в ее правом кулачке.

– Понятно… А где же твой преданный пес, Фермин?

– Я пришла одна. Его ЗДЕСЬ нет.

– Ты уже не можешь без провожатых? – усмехнулся он. – Что ж, проходи… Деньги с тобой?

– Конечно…

– Да уж… Я представлял тебя не такой. Ты, похоже, превратилась в дохлую рыбу, Анна Рыженкова… А мне рассказывали про тебя такие вещи… Присаживайся, я сегодня не в форме, а потому не смогу доставить тебе ту бездну удовольствий, которые ты получила от меня несколько дней назад… Скажи, тебе ведь понравилось то, что я сделал с тобой? Вам, женщинам, это нравится… Где деньги?

– А где папка? – судорожно сглотнув, пробормотала она, чувствуя, что теряет самообладание. – Мне нехорошо, у меня грипп… Давайте сюда вашу папку и забирайте деньги…

– У нее грипп! Похоже, и у меня тоже грипп, но я же не хнычу… Я спрашиваю тебя, сука, где деньги? Вытряхивай их из своей сумки без разговоров!

Она сидела не шелохнувшись. Все ее естество противилось такому обращению. Она ненавидела этого бледного, омерзительного типа, от которого и сейчас пахло так же, как тогда… Табаком, легким перегаром и еще чем-то мужским, тошнотворным… Она ненавидела сейчас мужчин ВООБЩЕ. Как биологический вид. Но и боялась страшно. Она и сама не могла понять, почему не отдает деньги, ведь ему достаточно одного удара, чтобы сбить ее со стула и повалить на пол, чтобы добить ногами… С него станется.

– Я начинаю подозревать, что ты не Анна Рыженкова. Та баба, о которой мне рассказывали, не могла бы так попасться, как ты… Привезла денежки, значит? И думаешь, что действительно существует папка, которую я собираюсь тебе отдать? Да кто ты такая, чтобы тебе вообще что-нибудь давать? Запомни – через неделю ты привезешь сюда еще столько же…

Сумка уже валялась на полу, а Матвей пересчитывал деньги. Все произошло в считанные мгновения. Одно движение – и деньги перекочевали в пластиковый пакет с изображением голой девицы.

Она не понимала, что с ней происходит. Неужели это конец?

Но теперь она ненавидела не только Матвея… Она испытывала ненависть еще к одному человеку. Именно сейчас, когда вдруг внезапно прозрела и поняла, как могло такое случиться, что она вообще оказалась в этой Богом забытой стране, куда возвращаться ей было столь же опасно, сколь счастливо и безмятежно она

жила на ставшем ей родным острове Мэн.

Мила! Снова это ненавистное ей имя! Сестра, пусть даже и мертвая (хотя навряд ли такие, как она, умирают, они живут долго и переживают своих родных, высасывая из них кровь, как смертоносные клещи, питающиеся за чужой счет!), достала ее и отомстила за ту несчастную украденную тысячу долларов…

– Моя сестра действительно умерла? – спросила она шепотом, словно боясь нарушить тишину, воцарившуюся на какие-то несколько минут, пока Матвей прикуривал, прижимая к груди пакет с деньгами.

– А я почем знаю… Мы только выведали, что у тебя есть сестра, которая живет в С., как видишь, этого оказалось достаточным, чтобы выманить тебя… Видать, остатки русской крови еще бродят в тебе, раз ты могла купиться на такое…

И тут он застыл, с тревогой посмотрев на нее, как человек, который внезапно проговорился и теперь не знает, как понезаметней сделать вид, что ничего особенного не произошло и он не сболтнул ничего лишнего… Но Матвей явно проговорился: Анна поняла, что звонок из России, на который она попалась, был результатом усилий тех, кто стоит за Матвеем. И что история с похоронами сестры – плод ИХ профессиональной работы. Но десять тысяч фунтов, которые она привезла сюда – разве это сумма? Разве это вообще деньги, по сравнению с тем капиталом, которым она обладает и с помощью которого делает в год во много раз больше? И если люди, занимавшиеся ее поисками в течение трех лет, в курсе ее деятельности, то что мешало им запросить сто тысяч, а то и миллион?

Все это смахивало на какую-то игру, начало которой ей показали, а уж дальнейший ход событий, главной участницей которых ей еще предстояло стать, предугадать не смог бы и сам дьявол…

Чутье на этот раз подвело ее: она так и не смогла ухватить основную идею того, что произошло с ней в последнее время. С одной стороны, выходило, что шантажисты довольно неплохо осведомлены о ее прошлом и настоящем, но с другой – слишком уж ничтожной была запрашиваемая ими сумма, к тому же непонятны были причины ее предполагаемых частых вояжей в Москву. Кому понадобилось заставлять ее летать из Хитроу в Шереметьево и обратно, если принудить ее полностью откупиться и даже разорить ее было бы куда проще, находясь в Англии, где у нее под рукой вся необходимая для переводов на ИХ

счета документация?.. Анна столько раз сама прибегала к шантажу и вообще занималась самыми непотребными в нравственном плане делами для вытряхивания денег из ослабевших компаний, буквально не сходя со своего кресла в офисе. Компьютер и телефон – вот средства, которыми она пользовалась для достижения желаемых результатов.

И она задала этот вопрос:

– Какой смысл мне летать туда-сюда, если требуемая сумма находится ТАМ, и перевести ее мне было бы куда проще, находясь там… Зачем вам было вызывать меня в Москву? Вы боитесь, что я обращусь в полицию? Но вы же и сами прекрасно знаете, что я не сделаю этого никогда… Чего вы от меня хотите? Вы убили Пола… Не отказывайтесь, я понимаю, что он показался вам лишним, и вы просто так, одним нажатием на курок лишили жизни умнейшего человека… Он лишь СОПРОВОЖДАЛ МЕНЯ, и больше ничего… Что мешает вам поехать в Англию, вытрясти из меня все оставшиеся деньги и после этого прикончить меня? Матвей, или как вас там! Кто за всем этим стоит?

Он открыл было рот, чтобы ей ответить, но в это время раздались гулкие удары в дверь, от которых задрожали стены.

– Все, хватит трепаться, и так столько времени потеряли… Это они! Они пришли за тобой… Извини, детка, но мне что-то неохота с ними встречаться… Они ребята такие – не любят сложностей. Оставайся здесь и постарайся быть с ними поласковей… Это У НИХ папочка с документами, а у меня теперь – твои денежки… Все мы люди смертные и хотим хорошо жить…

Она с ужасом смотрела, как он распахивает окно, вскакивает на подоконник и исчезает в фиолетовом проеме рамы… Он, человек, который каким-то образом что-то пронюхал про ИХ дела, про Интерпол и которому удалось встретиться с ней РАНЬШЕ них… Он, который обещал помочь ей оторваться от них и продать ей папку с документами, добытыми ИМИ, профессионалами из ФСБ, ценой трехлетних усилий, попросту подставил ее…

А разве она сама не виновата в том, что оказалась в ловушке, расставленной ее же слабостью? Иначе как можно назвать желание во что бы то ни стало приехать в Москву на похороны сестры, в Москву, вход в которую ей заказан; в Москву, тысячи законопослушных граждан которой, благодаря усилиям Анны

Рыженковой, управляющей банком «Норд», остались обобранными до нитки?.. Как же она могла настолько забыться, чтобы потерять всякую осторожность и угодить в лапы ФСБ?

Дверь готова была слететь с петель, когда она, вскарабкавшись на подоконник, застыла над сверкающим при свете фонаря мокрым асфальтом тротуара. Второй этаж. Чтобы переломать все кости – достаточно и этой высоты. Но ведь Матвея-то нигде не видно, а это значит, что он не разбился. Спрыгнул, отряхнулся и побежал себе…

Сзади раздался страшный грохот, очевидно, рухнула дверь или что-нибудь в этом роде…

Справа от окна росла рябина, ее темно-красные гроздья напоминали сейчас какие-то кровавые сгустки, расплывавшиеся на глазах… Ближайшая к ней ветка, за которую Анна зацепилась, пытаясь перелезть на рябину, чтобы уже по стволу спуститься на землю, треснула под ее тяжестью, и она полетела вниз…

Ей повезло, под ногами был упругий газон, заросший подмороженной, но еще довольно мягкой травой. Если бы она упала на асфальт, она бы вряд ли уже поднялась…

Ладони ее кровоточили – она ободрала их о ветку, когда, скользя по ней, падала, пытаясь удержаться. Она бежала на свет, на освещенную улицу и почти ничего не чувствовала, кроме тяжести собственного тела. Сильно болело горло и почему-то живот.

Как ни странно, но никакой погони за собой она не заметила. На улице было удивительно тихо, и только редкие прохожие, закутанные до бровей в плащи и пальто, спешили домой, к своим домашним, к горячей еде…

Едва переводя дыхание, она свернула в какой-то темный проулок и остановилась, чтобы отдышаться. Она неожиданно разрыдалась, когда поняла, что оставила свою сумку в этой злополучной квартире. А ведь в сумке были ее кредитные карточки, немного наличных на текущие расходы и хорошо упакованное в целлофановый пакетик нижнее белье. Неужели теперь ей придется ночевать где-нибудь на вокзале?

И вдруг колени ее подкосились, и она чуть не лишилась чувств, когда до нее дошло, что в сумке остался и ее билет в Лондон… Самолет на этот раз вылетал из Москвы рано утром. Они с Полом собирались провести ночь в гостинице, а оттуда на такси добраться до Шереметьева… Но теперь Полу уже безразлично, в каком часу улетает самолет в Лондон…

Вик!

Она закрыла глаза и представила себе его лицо – небритые щеки, плотно сжатые губы, силящиеся сказать «нет» разводу, но онемевшие от предательства женщины, которую он создал, вылепил и вдохнул в нее жизнь… И, конечно, его глаза, темно-голубые, яркие, почти синие, с внимательными крупными зрачками, делавшими его взгляд жестким и одновременно печальным…

* * *

«Вик и тогда был красив и немного диковат, как все провинциалы, хотя слегка поправился, и вместо привычной гривы спутанных волос голову его украшала аккуратная, волосок к волоску, стильная прическа, делавшая его похожим на новорожденного нувориша.

Но он еще не умел толком держать себя, говорить тоном, который позволителен в этом обществе лишь при больших деньгах или власти (хотя к тому времени он был уже богат как черт и делал деньги, не выходя из дома, перепродавая акции через подставных людей, просто-таки молящихся на него за получаемые ими проценты от сделок), зато продолжал пользоваться неизменным успехом у женщин, которых так же, как я мужчин, использовал в своих корыстных целях. Как правило, он был благосклонен лишь к тем женщинам, мужья которых были ему полезны. Еще ему нравились совсем молоденькие девушки, почти девочки… Быть может, поэтому мы и расстались, и я поехала на остров Мэн одна? Ведь мне в ту пору было двадцать восемь лет, а девочке, с которой я застала его в своей же собственной постели, было максимум пятнадцать».

* * *

«На свое счастье, я нашла в кармане пальто несколько стодолларовых купюр и поняла, что их положил мне туда заботливый Пол, наверняка понимавший, что

история, в которую я вляпалась по собственной вине, куда более опасна и сложна, чем можно себе предположить. И если внешне он старался держаться спокойно и всячески успокаивал меня, то в душе он, судя по всему, сильно переживал за меня. Иначе как можно было объяснить эти пятьсот долларов – деньги, которые мне бы и в голову не пришло класть в карман пальто! И он не предупредил меня об этом, чтобы не испугать. Значит, он вполне допускал мысль о том, что сумку из моих рук могут запросто вырвать… Что и случилось на самом деле.

Деньги придали мне уверенности. Вот только не было жетонов на метро, чтобы добраться до улицы Воровского, где жил Вик. Огромная квартира, которую он занимал теперь один, была куплена мною спустя год после нашего приезда в Москву. Почему мною? Да потому, что Вика устраивало то, что мы жили в гостинице, где нас прекрасно кормили и где можно было, не выходя на улицу, найти и бар, и игорный зал, и симпатичных молоденьких горничных, которые убирали у нас по три раза на день. Он понимал, что, живя в квартире, лишившись ставших уже привычными удобств, он попросту сойдет с ума от скуки, и поэтому сильно хандрил, когда мы переехали. Такой это был человек…

Я сильно рисковала, когда обменивала стодолларовую купюру на рубли. Это происходило в метро, возле обменного пункта, который был уже в это позднее время закрыт. Должно быть, поэтому я, получив пачку десятирублевок, постаралась как можно скорее запрыгнуть в электричку, чтобы за мной не увязался „хвост“: мне вдруг показалось, что парень, который разменял мне доллары, успел заметить и остальные стодолларовые бумажки, показавшиеся из моего кармана. Я становилась мнительной и шарахалась от каждого, кто, по моему мнению, мог походить на моих преследователей, которых я хоть и не видела в лицо, но которые представлялись мне бритоголовыми джинсоногими крепкими парнями с жестким взглядом немигающих глаз – визуальный стереотип, полученный в результате чтения российских газет и просмотра видеокассет, записанных Гаэлем с российских телеканалов.

Но мне повезло – я добралась до улицы Воровского без приключений, остановилась перед знакомым мне – до мурашек – домом и, задрав голову, слезящимися от счастья глазами посмотрела на МОИ окна…

Неужели сейчас я увижу Вика? Боже, что он скажет, когда увидит меня? Что я сильно изменилась? Постарела или, наоборот, похорошела? И тут же я осеклась: похорошела? И это после моего полета из окна и тех переживаний, которые

наложили отпечаток на мое заплаканное, перемазанное тушью и помадой лицо? А если к этому облику прибавить еще температуру и все признаки гриппа? Да Вик, увидев меня на пороге, захлопнет дверь перед моим носом, приняв меня за бомжиху!

И это верно. Мою одежду было довольно сложно привести в порядок: пальто – в подсохшей грязи после падения, брюки – то же самое… Волосы растрепались, и от утренней укладки не осталось и следа. Так – ворох рыжей соломы…

А еще у меня сильно болели ладони, они распухли, и на них было страшно смотреть… Мне срочно требовалась перевязка. И я уже знала, кто мне ее сделает».

* * *

За три года код общей металлической двери этого старого, сталинской постройки, двухподъездного пятиэтажного дома, конечно, изменился. Но и новый код она довольно легко определила по стершимся кнопкам. Перебрав пару вариантов, Анна на третьем облегченно вздохнула: что-то внутри щелкнуло, и дверь открылась.

Она поднялась на второй этаж (и здесь второй этаж!) и снова оказалась перед дверью. Затрепетала, как там, на Солянке. Эти тайны за закрытыми дверьми рождали в ней неуверенность и страх. И хотя, конечно, здесь все было куда более привычным, в эмоциональном плане она испытывала не менее сильные чувства, чем перед встречей с Матвеем. Но если там ее сковывал животный страх и рисовались жуткие картины изнасилования, то здесь ее почему-то охватила тревога и, как ни странно, позабытое чувство ревности… С кем сейчас живет Вик? Как выглядит его очередная женщина и что она из себя представляет?!

Это были чисто женские переживания, не более.

С сильно бьющимся сердцем нажала она на кнопку звонка и даже перестала дышать… Тишина давила на уши и отзывалась гулким долгим звоном где-то в затылке… Никто не открывал дверь. Должно быть, Вик сидит в эту минуту где-нибудь в ресторане и попивает коньяк в обществе молоденькой свеженькой

любовницы, и разве может ему прийти в голову, что сейчас, в столь поздний час в его квартире, вернее, перед дверью его квартиры стоит и дрожит от озноба вывалянная в грязи (причем как в переносном, так и прямом смысле) его бывшая жена, Анна. Банкирша, черт ее подери!..

Дверь была обита мягкой искусственной кожей черного цвета и сильно отличалась от современных металлических, «вторых» дверей, которыми отгородились от внешнего мира жильцы по соседству. Но уязвимость этой уютной с виду, «мягкой» двери была ложной: за ней находилась массивная кованая дверь с двумя мощными замками, запасные ключи от которых вместе с ключом от первой, «кожаной» двери Вик оставлял («На всякий случай, лапуль…») внизу, под обшивкой в специальной нише, предусмотренной для такого случая. Безусловно, оставлять ключи было рискованно, но Вик настолько редко пользовался ими, что обшивка практически не топорщилась, поскольку в нескольких местах была прижата довольно эффектными планками из желтого металла и навряд ли могла вызвать подозрение у потенциальных «домушников» благодаря своей «пухлости» и объему.

Оглянувшись и встав таким образом, чтобы никто из наблюдавших за нею соседей (если таковые, разумеется, были) не понял, зачем она так низко наклонилась, Анна сунула руку в самую глубь прорехи и вздрогнула, как если бы ее ударило током, когда наткнулась на что-то холодное и твердое.

Да, это были ключи. Те самые. Вик никогда не был практичным человеком и поэтому не удосужился поменять замки. Значит, спокойно живет. Так думала она, дрожащими руками вставляя первый ключ в замок и испытывая странное чувство вины перед тем, чья жизнь текла три года вот за этими дверями ОТДЕЛЬНО ОТ ЕЕ ЖИЗНИ...

«Должно быть, у него беспорядок, гора грязной посуды и слой пыли на мебели…»

Наконец все замки были открыты, и две двери гостеприимно распахнулись перед ней, словно приглашая войти.

Запах! Она узнала этот специфический запах ИХ квартиры. Здесь пахло так же, как и тогда. Ничего не изменилось. Вот только посуда была вымыта и убрана в шкаф, раковина помыта. Полы относительно чистые, и ковры вычищены.

Она ходила по комнатам и сравнивала то, что видела перед собой, с тем, что оставляла, когда спешно уезжала отсюда три года назад. В спальне, в огромном зеркальном шифоньере она нашла несколько новых дорогих костюмов Вика и почувствовала, как в носу защипало от подступивших слез. Вся ее жизнь с Виком вдруг предстала перед ней во всех подробностях. А когда она присела на краешек кровати, занимающей две трети спальни, ее охватило странное чувство, словно она никогда и не покидала эту постель, что она еще принадлежит этой спальне, этому запаху и тем вещам, которые ее сейчас так плотно окружают.

Вот бра, которое они выбирали с Виком, чтобы Анна могла ночами, когда он уже спит, заниматься, заучивая наизусть длинные колонки новых английских слов или подсчитывая разницу в стоимости акций… Да, она, безусловно, много работала, пропуская через свою голову огромное количество информации, впитывая в себя все то, без чего ее отъезд из страны был бы невозможен. Она настолько была поглощена осуществлением своих замыслов, что Вик, которому иногда хотелось сбросить с нее оцепенелость и, как он говорил, «встряхнуться», почти насильно увозил ее на какую-нибудь бесшабашную вечеринку, где они пили до утра, горланили песни, танцевали под любимую ею музыку Стефана Граппелли (Вик всегда брал с собой диск, потому что знал, в какое неистовство приводят Анну эти расхристанные и легкомысленные джазовые звуки, и от одного вида танцующей жены сам приходил в неописуемый восторг) и просто валяли дурака в компании таких же, в принципе, занятых и деловых людей, какими и они к тому времени стали. На эту ночь все превращались в обычных, жаждущих развлечений и острых ощущений расслабленных людей, которые могли позволить себе разного рода излишества, начиная с водки и коньяка и кончая экстази…

Иногда на эти вечеринки приглашались и те люди, которым предстояло сыграть с Анной в более смелую и опасную игру, но перед тем, как осуществить это, ей приходилось предлагать в качестве аванса свое тело. Как правило, это были представительные мужчины от сорока до шестидесяти лет, которые, прекрасно понимая, чего от них ждут, поначалу пытались вести себя с Анной грубо, как с вещью, но, когда знакомились поближе, резко меняли свое отношение к ней. Как ни странно, им было ПРИЯТНО находиться в постели с умной женщиной, способной в любой позе вести ироничные беседы, полные яда и сарказма, направленного, кстати, на них же самих. Не последнюю роль, конечно же, играла и привлекательная внешность Анны, ее стройное и гибкое тело, ее сексуальный опыт, который она успела приобрести за время, проведенное с Виком. Ее прежний любовник, Игорь, просто не успел дать ей в этом плане

хорошее воспитание, поэтому наряду с иностранным языком и основами банковского дела приходилось учиться еще и этому.

Нагрузка была настолько сильной, как в интеллектуальном, так и в физическом плане, что, быть может, поэтому эта спальня и эта огромная кровать воспринимались ею как награда. Так приятно было забраться под одеяло, прижаться к Вику и почувствовать, как тепло разливается по телу, как обволакивает ее сладкая истома, граничащая подчас со сном… Это были самые блаженные минуты в ее жизни. Даже успехи в продвижении по службе не приносили ей столько настоящего наслаждения, как часы, проведенные в этой постели…

* * *

Вик в ту ночь так и не явился. Анна, которая долгое время бродила по комнатам в поисках следов пребывания женщины и так ничего и не найдя, поужинала в одиночестве, предаваясь воспоминаниям, и даже выпила водки, помянув Пола Фермина. Она хотела позвонить Гаэлю, чтобы рассказать обо всем, что с ней произошло, и попросить, чтобы он прислал людей, которые бы забрали тело Фермина, но в последнюю минуту передумала, решив, что такие звонки лучше делать утром, на свежую голову. Быть может, это был самообман, потому что она все еще надеялась, что весь этот кошмар пригрезился, приснился, что ей предстоит пробуждение, и не где-нибудь, а на острове Мэн, в объятиях Гаэля…

Но наступило утро, и она проснулась на когда-то принадлежавшей ей кровати, а за окном было серое московское утро. Вик так и не пришел…

* * *

«Я лежала и рассматривала потолок, в то время как самолет, который должен был отнести меня на своих крыльях в Лондон, улетел без меня… А у меня попросту не было сил подняться с постели.

Я была безнадежно больна. Почему безнадежно? Да потому что я потеряла всякую надежду на то, что мне хотя бы когда-нибудь будет лучше. Это была простуда или грипп, теперь это уже не имело никакого значения. Была высокая температура, но я не могла вызвать врача. Я ничего не знала о квартире, в

которой находилась. Вполне возможно, что это была новая западня. И в голову снова поползли мысли о близкой смерти.

Я лежала, не нужная никому в этой квартире, в этом городе, в этой стране, и у меня не было даже сил позвонить Гаэлю. Я ждала часа, когда начну потеть, чтобы определить момент кризиса, после которого я или выживу, или умру. Время тянулось бесконечно долго, у меня был жар, мое тело словно подожгли изнутри… К тому же сильно болело горло. К этим моим несчастьям примешивались рези внизу живота, в котором словно кто-то ворочался с боку на бок из-за невозможности устроиться… Но я-то знала, что это такое, и старалась не обращать на это внимания. Поболит денька три-четыре и перестанет. Другой вопрос, где раздобыть гигиенические подушечки или хотя бы вату, чтобы пережить весь этот кошмар…

Ближе к вечеру, когда я совсем обессилела, мне показалось, что скрипнула входная дверь. Я вся напряглась, вглядываясь в темноту спальни, откуда хорошо просматривалась гостиная, чтобы увидеть входящего Вика…

Бледный луч, похожий на лунный, высветил на фоне белой, с матовыми стеклами двери тонкий девичий силуэт. Ну конечно, это пришла девушка Вика, и сейчас наконец-то я увижу и его…

Но ничего подобного не произошло. Девушка, закутанная во что-то прозрачное и светлое, вдруг повернулась в мою сторону и посмотрела, как мне показалось, прямо мне в глаза… Я вскрикнула и тотчас замолкла от подступившего кашля… Мое горло к тому времени уже представляло собой сплошную рану, я боялась глотнуть и оттягивала этот момент…

Это был призрак моей сестры, Милы. Она двигалась мне навстречу и протягивала ко мне руки. Она была красива, как бывают красивы покойники. Белое лицо, прозрачное тело, струящиеся по плечам волосы…

– Привет, сестричка… Как дела? Ты еще не забыла меня?

Я нашла в себе силы протянуть руку и включить лампу. Привидение сразу же исчезло, словно его и не было. Похоже, у меня начались галлюцинации, вызванные высокой температурой, а может, и общим психическим расстройством.

Время от времени мне хотелось плакать, и я пыталась, вызывая жалость к себе, выдавить хотя бы слезинку, но у меня лишь сдвигались к переносице брови, раздувались ноздри, а настоящего плача и, тем более, рыданий уже не было.

Коротать длинный вечер при свете было куда спокойнее, хотя почему-то временами начинало звенеть в ушах, словно внутри головы включали тихий моторчик…

Конечно же, после того, как мне уже во второй раз явился призрак сестры, я теперь думала только о ней. Я вспоминала нашу жизнь втроем в С. – Мила, я и Вик.

Мне сейчас трудно определить ту временную грань, которая отделила мою жизнь БЕЗ ВИКА от жизни С ВИКОМ. Потому что, исключая первые минуты моего неприязненного отношения к тогда еще неизвестному мне парню, явившемуся в наш дом в качестве сожителя Милы, его присутствие доставляло мне радость. Во-первых, у меня появилась возможность достаточно убедительно продемонстрировать всю ту разницу между мною и сестрой во всем, что касалось (во всяком случае поначалу) быта. Я всегда знала, что мужчина ценит в доме хорошую еду, чистоту и комфорт, а потому изо всех сил принялась просто-таки совращать вечно голодного и поэтому раздраженного Вика сытными обедами и ужинами. Причем я взяла с него слово, что Мила, которая пропадала где-то целыми днями, фотографируя для местных газет, и у которой вечно не было времени, чтобы что-нибудь приготовить для своего возлюбленного, никогда не узнает о наших совместных трапезах. И как ему было не держать своего слова, когда я просто купила его пельменями да борщами. Мила, возвращаясь поздно вечером продрогшая и тоже голодная, сначала подолгу отогревалась в ванне (Вик жил с нами с осени по весну, когда на улице было холодно, быть может, поэтому у меня в памяти они ОБА всегда мерзли), а уж потом, закутавшись в длинный, до пят теплый халат, сидевший мешком на ее хрупком теле, принималась поджаривать хлеб и варить кофе… И этим она собиралась насытить своего Вика! Я была в шоке и несколько раз пыталась поговорить с ней на эту тему. Я объясняла ей на пальцах, что Вик бросит ее, если она не перестанет вот так по-свински относиться к своим женским обязанностям, на что всегда получала приблизительно такой ответ: если бы ему не нравилось, он бы уже давно ушел, а если он такой голодный, то пускай обедает в городе, там полно дешевых кафе и столовых… И Вик, разумеется, уминал гренки с чашечкой кофе и даже делал вид, что ему нравится такой ужин. Оно и понятно – почему бы не подзаправиться во второй раз, тем более что не

так давно с моей и Божьей помощью он съедал большой кусок мяса, полсковородки картошки и миску салата.

Я не знала, какие между ними были отношения и что связывало эту странную пару (странную, потому что я до сих пор не могу понять, как можно было вообще жить с моей сестрой – образчиком наплевательского отношения к мужчинам вообще и Вику, в частности), но, когда после ужина они запирались вдвоем в спальне, меня охватывало жесточайшее чувство обиды и досады прежде всего на самое себя. Я недоумевала, что движет мною и заставляет заботиться о Вике. Безусловно, он нравился мне как мужчина, и даже при том, что у меня был Игорь, сексуальные отношения с Виком могли бы только обогатить мою эмоциональную жизнь. Представьте себе, сколько новых чувств и переживаний испытали бы мы оба – Вик и я, – стань мы любовниками! Одно дело любить в открытую, как это было у него с моей сестрой, а совершенно другое – хранить подобные отношения в тайне! Я бы… точнее, МЫ обманывали бы эту худосочную мышь, как про себя называла я Милу! Эта мысль кружила мне голову… И дело тут не в моей порочности, а в той несправедливости, благодаря которой она пользовалась Виком, не имея на него, в сущности, никаких прав. Я больше чем уверена, что Вик решился на то, чтобы жить с ней, лишь из-за собственной бытовой неустроенности. Я знала, что до того, как перебраться к нам, он жил со своей матерью в крохотной комнатке, и когда его мать собралась выйти замуж, он начал подыскивать себе комнату… Тут-то на горизонте и появилась Мила с квартирой, нежным молодым телом и огромным желанием заиметь мужчину в собственность… Но ведь квартира принадлежала не только ей, стало быть, у меня на Вика были приблизительно такие же права (если не больше).

Но я не всегда думала о Вике. Только когда мы вдвоем оказывались дома и мне доставляло удовольствие заботиться о нем… Ведь у меня был Игорь и была собственная, никак не связанная с моими домашними, жизнь. Кроме того, я, находясь в должности конкурсного управляющего одним обанкротившимся предприятием, пускала его вполне законным, надо сказать, образом с молотка, надеясь поиметь с этого приличную сумму… И все бы ничего, если бы бывший директор этого предприятия не обратился в прокуратуру с тем, чтобы пресечь мои слишком уж рискованные операции по распродаже имущества автопарка…

Если бы не Игорь, который первым предупредил меня об этом, вряд ли мне удалось бы избежать если не ареста, то уж скандала во всяком случае. По совету моего покровителя я, прикинувшись тяжелобольной, подала заявление в местную администрацию с тем, чтобы меня освободили от этой должности,

после чего, что называется, ушла на пару месяцев в тень. Игорь, который всегда был против того, чтобы я вообще работала, поскольку его сильно огорчали любые мои неудачи, но прекрасно знавший меня и понимавший, что я не смогу сидеть без дела и мне необходимо как-то самореализовываться, обещал устроить меня финансовым директором в одну крупную коммерческую фирму, занимавшуюся продажей компьютерной техники. И он бы устроил, в этом я нисколько не сомневаюсь, если бы остался жив…

Его убили, а вместе с ним убили и мою мечту. Мы собирались пожениться и уехать за границу. Мы много работали, чтобы осуществить наши планы. Но его отняли у меня. И в моей жизни образовалась брешь, пустота, которую мне необходимо было заполнить новым мужчиной. И хотя я понимала, что после Игоря вряд ли мне удастся найти человека такого же полета, Вик тем не менее показался мне наиболее достойной кандидатурой. И дело не только в его красоте и обаянии, которых было в избытке. Он был умен, в нем, как и во мне, и в Игоре, билась та золотоносная авантюрная жилка, без которой я просто не мыслила свою дальнейшую жизнь. Я всегда знала, что в нашей стране, соблюдая законы и ожидая перемен извне, никогда и ничего не добьешься. Поэтому всегда действовала так, как считала нужным, проворачивала свои дела со свойственным мне стремлением к риску и, надо сказать, не без удачи. Но, когда у меня был Игорь, я понимала, что лишь благодаря его поддержке я имею право так отчаянно подставлять свою голову под прокурорский меч. Не будь его, вряд ли я ходила бы с высоко поднятой головой и вела себя более чем дерзко с представителями местных властей. Я продавала зерно, сахар, водку, автомобили… Я собаку съела на продаже акций местной телефонной станции, которая, будучи монополистом, творила в городе что хотела, взвинчивая до абсурдной цифры абонентскую плату и делая на таком простом процессе, как установка или перенос телефонов, баснословные деньги. Мне потребовался всего один месяц на то, чтобы найти на генерального директора – этого телефонного монстра, Карсавина Ивана Петровича, такой компромат, что он готов был принять любые мои условия, лишь бы выкупить у меня горячую видеокассету… Старый кобель сожительствовал со своей тринадцатилетней падчерицей, которая за определенную плату согласилась помочь мне в съемках их очередного свидания…

А условия мои были следующие: ему предлагалось организовать филиал своей телефонной станции, своеобразный центр, который должен был якобы заниматься ЛИШЬ УСТАНОВКОЙ ТЕЛЕФОНОВ. А так как желающих обзавестись нужным аппаратом в городе было больше чем достаточно, то идея организации такого центра была подхвачена администрацией на „ура“. По моим указаниям

было образовано акционерное общество, акционеры которого, то есть будущие владельцы телефонов, должны были купить акции на довольно солидную сумму с тем, чтобы потом получать на них дивиденды. Мощная реклама, средства на которую дал Карсавин из своего кармана, сделала свое дело. Тысячи и тысячи отпечатанных бланков, подкрепленных фальшивыми печатями „альтернативной телефонной компании“, были проданы жителям города по высоким ценам.

Словом, деньги были приняты (в кассе сидели нанятые на время совершенно случайные, взятые прямо с биржи безработные женщины, которые за мизерную оплату заполняли бланки), разделены между мною, Карсавиным и тем чиновником из городской администрации, который дал „добро“ на осуществление этой идеи. Но если Карсавин понимал, что после того, как городу станет ясно, ЧТО же произошло на самом деле, и акционеры кинутся громить офис несуществующего центра, ему придется бежать, и на этот случай у него уже были куплены билеты и оформлены визы в Германию, то чиновник, получив свою тысячную процента (он, на мое счастье, оказался надутым индюком, ничего не смыслившим в подобных делах), был арестован, и по делу о создании центра было возбуждено уголовное дело.

Что касается меня, то следов моей деятельности не смог бы найти ни один самый дотошный следователь, занимающийся этим громким делом. Мне принадлежала лишь идея, в остальном я действовала чужими руками. Карсавин сбежал, и я была уверена, что он будет молчать. А на чиновника мне было глубоко наплевать.

Деньги я отдала Игорю, поскольку знала, что он сумеет наварить на них в десятки раз больше. По сравнению с тем, сколько зарабатывал он на своих аферах, мой „гонорар“ казался лишь студенческой стипендией, не более…

Его убили спустя неделю после того, как я привезла ему „телефонные“ деньги.

День его смерти – самый черный день в моей жизни…»

* * *

Кризис наступил только на третью ночь, когда ей уже начинали слышаться голоса, когда не было сил ни погасить лампу, ни зажечь ее, хотя хотелось то

того, то другого, в зависимости от появления призрака ее сестры…

Музыка, завораживающая, сопровождающая то блаженство, которое охватило Анну перед тем, как ей оставалось сделать последний шаг в неизвестность – в смерть ли, в продолжение жизни, – напоминала звучание органа на фоне мощного симфонического оркестра. То была музыка Баха, несомненно. Она уже где-то и когда-то слышала эту музыку…

Потом ей показалось, что комната опрокинулась и с огромной скоростью несется куда-то в пропасть… Судорожным движением ухватилась за простыни, казавшиеся ледяными, и закричала, проваливаясь в бездну.

…Очнулась она, завернутая в мокрую простыню, словно в кокон. Все вокруг нее было мокрым и липким. Кризис миновал. Хотелось пить.

А Вик так и не пришел.

Однажды, когда она спала, постепенно набираясь сил, ей показалось, что дверь открылась и в комнату вошел кто-то в белом. Но это был уже не призрак. Это была реальная женщина в светлом домашнем халате, которая, увидев лежащую на постели Анну, сначала вскрикнула, а потом, присмотревшись повнимательнее, ахнула и зажала рот рукой.

Они узнали друг друга. Женщину звали Дора, но Вик обычно называл ее дурой. Она жила этажом ниже и всегда при встрече с Анной здоровалась. Поговаривали, что Дора отравила своего парализованного мужа, чтобы облегчить его страдания, а заодно и свою собственную жизнь. Ей было за сорок, но выглядела она значительно старше из-за чрезмерной полноты, внешней медлительности и какой-то основательности.

– Вы… Анна? – спросила Дора, дрожащей рукой пытаясь включить верхний свет.

– Пожалуйста, не включайте, а то я ослепну… – прошептала Анна, давясь слезами от внезапно нахлынувших чувств: ведь она впервые за эти дни увидела перед собой знакомое лицо!..

– Это вы… Если честно, то я вас с трудом узнала, даже не узнала, а догадалась…

– Вот теперь включайте свет… – и Анна, прикрыв глаза ладонью, ахнула, когда перед глазами у нее вспыхнул огненный шар.

Она несколько минут слезящимися глазами смотрела на Дору. Та же, в свою очередь, видела перед собой почти призрак той яркой и красивой женщины, какой она помнила свою бывшую соседку. Она знала от Вика, который нанял ее после отъезда жены убирать квартиру, что Анна вышла замуж за иностранца и уехала за границу. Кроме того, Дора не могла не знать, что Анна в свое время была объявлена в розыск, но потом, по словам Вика, после того, как ею были представлены необходимые документы, подтверждающие ее невиновность и то, что она стала жертвой чужих финансовых махинаций, ее оставили в покое. Кажется, она даже поменяла гражданство… И вот теперь Дора вдруг увидела ее полумертвую, с серым, осунувшимся лицом, запавшими потемневшими глазами и свалявшимися грязными волосами в его, ВИКА, постели! Это было невероятно! И она бы никогда не узнала Анну, если бы не интуиция… Дело в том, что, хотя Вик никогда не был святым (а Дора довольно прилично успела его изучить за эти три года и находила, что он мужчина хоть куда, но только немного скрытный), он никогда не приводил женщин к себе домой. Дора знала, где он бывает и с кем, поскольку не раз по его телефонному звонку ездила за ним и привозила его домой после какого-нибудь затянувшегося застолья, и уважала за то, что он не пьянствует у себя дома. И только недавно в его жизни появилась более-менее постоянная женщина, по имени Татьяна, но и она еще ни разу не ночевала в этой квартире. Вик сам ездил к ней и иногда оставался у нее ночевать.

Дора, женщина весьма чувствительная и склонная к сентиментальности, решила, что Вик не приводит к себе любовниц, чтобы не осквернять постель, на которой он спал со своей бывшей женой. Дора была уверена, что Вик продолжает любить Анну до сих пор. Быть может, из-за женской солидарности, но скорее из-за чувства огромной симпатии к Анне, образ которой за эти три года окутался тайной и приобрел романтический ореол, Дора, увидев на постели женщину, безошибочно определила, что это именно Анна.

– Я знаю, вас зовут Дора… Вы наша соседка. Как хорошо, что вы пришли, я жутко простыла и просто погибаю здесь одна… Вы не знаете, где Вик?

Дора не могла вот так с ходу рассказать ей о существовании Татьяны. Будь увлечение Вика недостойным внимания, она бы, может, и сказала. Но Татьяна, которую она видела мельком всего несколько раз, показалась ей вполне серьезной молодой женщиной, достойной Вика. Больше того, Дора хотела бы,

чтобы Вик женился на ней. Возможно, отсутствие собственной личной жизни сделало Дору неравнодушной к чужим судьбам. Кроме того, Вик за последние три года стал для нее единственным близким человеком, ведь, кроме того, что он был просто симпатичен ей, он еще и хорошо оплачивал ее труд.

– Я не знаю, где Вик, может, уехал куда… Но вы-то, бедненькая, на кого же стали похожи? Что же это такое с вами стряслось? Почему вы не позвонили и не предупредили о своем приезде?

– Да так уж получилось… – волнуясь, ответила Анна, пытаясь приподняться с постели. – Ночью у меня был кризис, жар, я лежу вся мокрая… Вы не могли бы помочь мне…

– Я сию же минуту вызову врача! – с жаром воскликнула Дора, подсаживаясь к телефону и боясь, как бы Анна вообще не умерла на ее глазах.

– Ни в коем случае, – взмолилась Анна и от ужаса закрыла лицо руками: не хватало только еще, чтобы ее обнаружили и арестовали… – Прошу вас, Дора, не вызывайте врача. Мне уже лучше. Просто должно пройти какое-то время, чтобы я пришла в себя. Я сильно простыла в Москве, у меня была высокая температура, но теперь-то она спала… Вы не могли бы принести мне чистые сухие простыни и пижаму Вика?

Часа через полтора Анна уже лежала на чистой постели, одетая в теплую пижаму бывшего мужа, и пила принесенный соседкой куриный бульон. И хотя она была еще очень слаба, но все же чувствовала, как силы постепенно возвращаются к ней.

– Вон, как у вас щечки разрумянились… Завтра я помогу вам помыть голову, и вы снова станете такой же красивой, как прежде… Так какими же судьбами вы оказались в Москве? По делу или, извините, соскучились по своему благоверному? Ведь он у вас такой хороший, такой умница, деньги зарабатывает, себя и квартиру в чистоте содержит, уважительный такой… И чего это вы с ним развелись? Потянуло за границу?

Правильно Вик называл ее дурой, дура, она и есть дура, а никакая не Дора, подумала Анна, стараясь не придавать значения услышанному. Она ничего не ответила, как если бы и не расслышала заданные Дорой вопросы. Она пила

маленькими глоточками бульон и вспоминала дни, проведенные с Виком. И вдруг очнулась от какого-то громкого звука: это Дора, решив, что с больной случился столбняк, поскольку она застыла без движения и никак не реагировала на ее голос, закричала, чтобы привести Анну в чувство.

– Что это вы так пугаете меня? – Дора, склонив голову набок, внимательно смотрела Анне в глаза. – Разве можно так?..

– У меня уши закладывает… А что Вик, у него есть женщина, у которой он ночует?

Дора покраснела. Она не знала, что и ответить.

– Он иногда ночует на работе, вы же знаете, у него кафе, а там много работы…

– Дора, я повторяю, у него кто-нибудь есть? Вы молчите… Ну что ж, я все поняла. Только напрасно вы делаете вид, что ничего не знаете. Вы думаете, я ничего не соображаю? Ведь у вас есть ключ от этой квартиры, это во-первых, во-вторых, в квартире, как вы и сами отметили, довольно чисто. Стало быть, убираете здесь именно вы. А если вы вхожи в дом, значит, должны знать нравы хозяина. Он женился и переехал к жене?

– Они еще не женаты, но она особа в высшей степени положительная, кажется, биолог по образованию и работает в лаборатории, ставит какие-то опыты на мышах… Я видела ее. Внешне так, ничего особенного, но глаза добрые и одевается скромно. Вы уж извините, что мне приходится говорить вам об этом. Ведь вы предпочли бы, чтобы ваш муж был один…

– Дора, не говорите глупостей! Прошло три года, и я не настолько глупа, чтобы не понять, что мужчина, которого бросили, имеет право устраивать свою личную жизнь так, как ему этого хочется. Другое дело, что он мне нужен по делу. Из-за него я и не смогла улететь домой… Как вы вообще, Дора, здесь живете?

– А что такого? У нас уже начали топить, внизу магазин построили, ваш муж платит мне приличные деньги, так отчего же мне здесь не жить?

Анна покачала головой и только что не покрутила пальцем у виска: до чего же глупа милейшая соседка!

– Я спросила про Россию вообще, – пояснила она. – На меня напали в подземном переходе, отобрали сумку, в которой лежали все деньги и билеты… Теперь понятно, о чем я говорю?

– А вы не ходите по городу, когда темно. У нас здесь почти никто не ходит, как стемнеет, это в центре много людей… Опасно стало жить, что верно, то верно. У двух моих приятельниц есть газовые баллончики… Жизнь стала трудной, но если жить правильно и не высовываться, где не нужно, то все будет нормально… Зато в магазине продают разные тропические фрукты, рыбу, мясо… Видите, как меня разнесло?! А что?! Ведь кроме как вкусно поесть у меня и радости-то никакой в жизни не осталось. Вот телевизор разве…

– А что же вы замуж не выйдете? У вас, извините за прямоту, хорошая квартира, любой холостяк будет только рад сойтись с вами, к тому же вы такая симпатичная женщина… – Анна говорила едва слышно, однако голос ее, словно под высоким сводом, звонким гулом отдавался в голове и отнимал последние силы.

Она испытывала благодарность к Доре за ее заботу, а потому сочла необходимым сказать ей что-то теплое и простое, что говорят в таких случаях женщины, желая выказать свое расположение.

– Вы практичная женщина, сразу видно, – улыбнулась Дора и взяла из рук Анны пустую чашку из-под бульона. – Но мне, если честно, никто не нужен. У меня был муж, и я знаю, что это такое – быть замужем. Я так с ним измучилась, что решила: все, с меня хватит, поживу теперь для себя. Одно жалко – детей у нас нет. Но не думаю, что все те, у кого есть дети, уверены в том, что дети похоронят их как следует и, что самое главное, будут заботиться о своих родителях при их жизни и особенно болезни… Дети, как правило, эгоистичны…

– Дора, вы не принесете мне телефон, чтобы я могла позвонить… – прервала соседку Анна и тут же осеклась, представив, как любопытная Дора будет подслушивать ее разговор с Гаэлем. Нет, это невозможно! К тому же телефон Вика до сих пор может прослушиваться ФСБ.

– Я могу позвонить, – предложила услужливая соседка, сгоравшая от нетерпения узнать, с кем же намеревается пообщаться Анна.

– …в аэропорт, – продолжала Анна, – чтобы узнать рейсы в С. Я собиралась проведать свою сестру…

– А у вас есть сестра?

– Есть… Но только мы давно не виделись, поэтому было бы неплохо сначала позвонить ей…

Ей вдруг стало жарко при мысли, насколько реально то, о чем она только что сказала Доре. ПОЗВОНИТЬ МИЛЕ! Как же она раньше не сообразила?! В С., в квартире, которая им досталась от родителей и где они прожили столько лет, навряд ли изменился телефон…

– Дора, наберите, пожалуйста, код… Записывайте, – и Анна, откинувшись на подушки и прикрыв глаза, принялась диктовать код и номер ее родного телефона. – Записали?

– Конечно… Я мигом.

И Дора принялась набирать номер.

– Длинные гудки, – заговорщически прошептала она, протягивая Анне трубку. – Говорите…

Трубку сняли на другом конце провода, и Анна услышала незнакомый и довольно низкий женский голос.

– Добрый вечер… – проговорила она в страшном волнении, как если бы звонила на Тот Свет. – Как мне поговорить с Милой Рыженковой? Ведь это Мичурина восемнадцать, квартира шесть?

– Послушайте, я не знаю, кто вы… – произнесла каким-то странным голосом женщина, – а потому мне трудно сообразить, ЧТО ИМЕННО я должна вам сказать…

– Это звонит ее сестра, Анна… – выпалила она и замерла, прислушиваясь к ударам собственного сердца: ведь она не имела права раскрываться, держа в руке трубку телефона, принадлежащего именно Вику. Она забылась…

– Сестра? Тогда и вовсе непонятно… – голос женщины звучал так, как если бы она говорила в картонную трубу, приглушающую громкость. Или же у нее просто-напросто был насморк. – Вы меня слышите?

– Слышу, конечно… – Анна начинала терять терпение. – Так где Мила?

– Она умерла, деточка… Еще два года тому назад, кажется…

– Умерла?.. – Анна почувствовала, как волосы на ее голове зашевелились. – Но как это случилось?

– Не знаю… Кажется, ее сбила машина.

– А кто же тогда вы?

– Мы купили у вашей сестры эту квартиру, сначала долго снимали, а потом выкупили… Так что вы уж там сами разбирайтесь…

Короткие гудки. Анна, опустившись на подушки, почувствовала, как слезы горячими потоками потекли к вискам…

– Что случилось? – Дора присела к ней на постель. – Что-нибудь с вашей сестрой?

Анна посмотрела на нее, но ничего не ответила. Да и что она могла сказать этой чужой женщине, так раздражающей ее своими толстыми розовыми щеками, кисловатым запахом тела и неестественно вытаращенными от чрезмерного любопытства глазами?

Ей не хватало воздуха, ей не хватало того внутреннего стержня, который сломался в ней, едва она сошла с трапа самолета здесь, в Шереметьеве-2, четвертого октября тысяча девятьсот девяносто восьмого года, когда приехала на Солянку хоронить свою единственную сестру Милу…

Анна отвернулась к стене и разрыдалась.

Глава 4

Она не помнила, сколько времени прошло с тех пор, как ее привезли в этот дом. Здесь не было окон, а потому о приближении ночи она узнавала лишь по своим слипающимся векам, непреодолимому желанию спать и раздающимся откуда-то сверху звукам музыки и громким крикам. Но это в своей прошлой жизни она с наступлением ночи ложилась спать, а здесь, в этом аду, жизнь в это время только начиналась…

Сейчас придет человек и принесет еду. Ей, зверю, посаженному на цепь, не разрешают даже помыться, не говоря уже о том, чтобы почистить зловонное дно клетки, залитое кровью и молоком…

И никто, кроме тех скотов, которые приходят сюда сверху, чтобы насладиться ее унижением, не знает, где она и что с ней…

Прежде ее звали Берта. Так назвал ее отец в честь своей первой любви – наперекор всем. И это имя сильно отличало Берту в школе от ее подруг. Было в этом имени что-то бархатисто-упругое, немецкое, европейское, строгое и вместе с тем мягкое и нежное… Берта обожала свое имя и была благодарна отцу за то, что он его отстоял пусть даже ценой семейных скандалов и упреков со стороны жены. Девочка и впрямь была похожа на хрестоматийную Берту: светловолосая, высокая, стройная, с большими голубыми глазами и нежным матовым лицом. Ни дать ни взять – немецкая кукла.

Сразу после школы она вышла замуж за друга отца, сорокапятилетнего Илью Петровича Ромиха. Брак, который вызвал шок у родных и друзей Берты и которому предрекали недолгую жизнь, продлился пять лет. Но для Берты эти годы промелькнули словно один день. Муж, который был старше ее на целых двадцать семь лет, боготворил молодую жену и создал ей такие условия жизни, какие не снились ни одной из замужних женщин, которых она знала. Илья был высоким худощавым мужчиной с хорошей кожей и роскошными черными волосами, которые, постепенно седея, придавали облику Ромиха особую привлекательность. Спокойная и приносящая достаток профессия ювелира дала

возможность Илье окружить Берту, которую он любил без памяти, роскошью и превратить ее жизнь в поток сплошных наслаждений.

Бывая чуть ли не каждый день в доме, где росла Берта, и тесно общаясь с ее отцом, Ромих, словно за нежным хрупким ростком, следил за развитием и воспитанием девочки; играл с ней, покупал ей игрушки и сладости, водил ее на прогулки и ждал чуда – того момента, когда из нескладной худенькой малышки с длинными белыми косичками расцветет женщина, которая и сделает его счастливым.

Отец Берты, видя отношение друга (которого и он, в свою очередь, знал с детского возраста, потому что был старше его на пятнадцать лет) к дочери и всячески поощряя его разгорающуюся страсть к ней, холодел при мысли, что она может достаться кому-то, а не Илье. Ему было страшно представить себе Берту в объятиях, скажем, ее сверстника – грубого и неумного парня с повадками шпаны и гонором внезапно разбогатевшей голытьбы… Мать Берты, женщина более современная и глядящая на мир глазами неисправимой оптимистки, хоть и находила Ромиха человеком порядочным, надежным и способным обеспечить будущее ее дочери, но считала, что такая заметная разница в возрасте рано или поздно приведет к возникновению трещины в браке и превратит жизнь Берты в пытку. Однако Ромих оказался настолько находчив, что ему потребовалось всего лишь полгода на то, чтобы сломить сопротивление матери Берты и добиться у нее благословления на этот брак: несколько дорогих золотых украшений, подаренных будущей теще, сыграли здесь не последнюю роль…

Оставалась самая малость – внушить Берте, что Илья Петрович, которого она с детства звала крестным, любит ее и что любовь его вовсе не платоническая, что страсть, которую он к ней испытывает, самая что ни на есть настоящая, и что, конечно, он надеется на ответное чувство…

И Берта почувствовала это однажды утром, на даче, когда проснулась и, выглянув в окно, увидела почти голого Ромиха, делающего упражнения на террасе. Вид обнаженного мужского тела произвел на семнадцатилетнюю Берту столь сильное впечатление, что она в течение целого дня просто не осмеливалась взглянуть в глаза Ромиху, в то лето практически постоянно живущему на ИХ даче. А ведь до этого времени Илья Петрович, или просто Илья, воспринимался ею как член семьи, как человек, с которым можно пойти куда угодно и делать все что тебе заблагорассудится, зная, что он всегда все поймет и, если нужно, поможет. Как старший брат или дядя… И что удивительно – ей

ведь и до этого дня случалось видеть Ромиха в одних плавках на дачном пляже, но она почему-то не обращала на это внимания… Что же случилось в тот день?

Зная по фильмам, что происходит в момент близости между мужчиной и женщиной, Берта стала представлять рядом с собой в постели красивого и взрослого Ромиха, непременно обнаженного и спящего, и от этих страшных по силе воздействия картин она возбуждалась и не знала, что ей делать со своими новыми ощущениями и куда направить возникающую в ней при этом энергию.

Все это напоминало ей первые поцелуи с одноклассником, к которому она зашла как-то раз, чтобы забрать свой, одолженный ему на время болезни учебник. Одноклассник угостил ее минеральной водой, затем они некоторое время слушали музыку, сидя рядышком на диване, а потом он внезапно привлек ее к себе и поцеловал прямо в губы…

Представляя на месте целующего ее в губы одноклассника Илью, она чувствовала, как ее бросает в жар, и решила во что бы то ни стало попытаться дотронуться до Ромиха, почувствовать его плоть и попытаться увидеть в нем просто мужчину.

И она дотронулась однажды, когда их посадили за ужином рядом. Ромих подарил в тот вечер маме золотую брошь и поздравил ее с днем учителя. А Берте преподнес малахитовую шкатулку, полную новеньких сотенок. «Купи себе что-нибудь…» Все было как обычно.

Когда принесли курицу и взгляды всех присутствующих за столом обратились на блюдо, полное ароматных розоватых, с поджаренной корочкой, ломтей куриного мяса, Берта просто накрыла ладонью колено Ромиха и даже слегка надавила на него, ничем не выдавая своего волнения и продолжая рассеянно рассматривать куриную ножку…

И тут же, почувствовав его взгляд на своей щеке, буквально запылала от стыда. А что, если она ошибается и Илья в то солнечное утро на даче вовсе не собирался демонстрировать ей свое тело (хотя раньше он делал упражнения в саду, среди яблонь, а не под окном Бертиной спальни)? Вдруг он нисколько не собирался ее провоцировать, а просто занимался гимнастикой?

Но, увидев выступившую на его лбу испарину (она все же не выдержала, повернулась и посмотрела ему в глаза), Берта поняла, что присутствие Ромиха в их доме неслучайно. Что он любит ее, как никто другой, и сделает все, чтобы добиться от нее ответного чувства. Это было понятно без слов, без каких-либо намеков… Она прочувствовала это физиологически, как если бы они с Ильей на миг стали единым существом…

Он поцеловал ее в тот же вечер в прихожей, и она, как могла, ответила ему, в доверительном порыве прижавшись к нему и мазнув в смущении губами по его щеке…

* * *

Она плакала, прижавшись лбом к стальным прутьям клетки и содрогаясь всем телом…

Неужели судьбе угодно было так жестоко уравновесить ее счастье? Как же после этого продолжать верить в существование Бога? Ведь если бы он был, разве он мог бы допустить, чтобы она оказалась здесь? За что? Она никогда и никому не делала зла! И если то, что с ней сейчас происходит – кара за грехи ее предков, тогда где же справедливость?

Берта готовилась к смерти. Она понимала, что еще несколько дней, и все будет кончено.

Люди, схватившие ее прямо на улице, когда она выходила из своего «Фольксвагена», чтобы зайти в продуктовый магазин, были ей незнакомы. Они вынырнули из черной машины, марку которой она не успела определить, и, проронив несколько матерных слов, от которых Берта содрогнулась, как если бы ее ударили, взяли ее под руки и подвели к сидящему за рулем человеку с трубкой во рту. Он курил хороший голландский табак. Она знала этот крепкий и ароматный запах – такой же табак курил ее муж.

На ее несчастье, было очень темно, моросил дождь, и прохожих на улице не было вообще. Ни одного человека. Даже возле магазина, у которого все это произошло и в котором Берта собиралась купить молока и хлеба, так до конца этого молчаливого действа не появилось ни одного потенциального покупателя.

Человек за рулем низким голосом спросил, как ее зовут, и, услышав имя, хмыкнул: оно ему явно не понравилось.

– Ты что, немка?

– Отпустите меня… Что вам надо? Я закричу! – Она задыхалась от страха и злости. – Вы меня, должно быть, с кем-нибудь спутали… Я вас не знаю, скажите вашим людям, чтобы они меня отпустили…

А в голове пульсировало только одно: это конец, я больше никогда не увижу Илью, это все…

Эти люди в кожаных куртках словно отрезвили ее, женщину-цветок, тепличное растение, которого за пять лет ни разу не коснулась жизнь, такая, какой она была вокруг нее на самом деле: жестокая, полная отчаяния, безденежья, унижения, неуверенности в себе, панического страха перед завтрашним днем… Элементы этого НАСТОЯЩЕГО Берта могла видеть лишь с экрана своего огромного японского телевизора, и она плакала, когда смотрела криминальную хронику, особенно, когда речь шла об убийстве женщин… Увидеть труп на экране – казалось ей испытанием. Она долго не могла уснуть после этого и рассказывала об увиденном Илье, который всячески успокаивал ее и говорил, что с приличными женщинами ТАКОЕ вряд ли может случиться. Что «для того, чтобы не попасть в „криминальную хронику“, надо вечерами сидеть дома и слушаться старших»… Он разговаривал с ней, как с маленькой. Разве мог он когда-нибудь предположить, во что вляпается по уши его маленькая и чистенькая жена, порхающая по жизни, словно бессмертная бабочка, то и дело сдувающая пылинки со своих драгоценных крыльев… Что она по дороге из парикмахерского салона домой заедет за молоком и попадет в лапы престарелых извращенцев, находящих огромное удовольствие в том, чтобы насиловать посаженных в клетку женщин?!

В соседней клетке жила, и достаточно долго, девушка по имени Мила.

Когда приходили к ней, Берта забивалась в угол своей клетки и зажимала руками уши, чтобы не слышать криков и стонов Милы. И это продолжалось бесконечно, почти до утра… Можно было только догадываться, что они проделывали с ней при помощи плеток и клещей, различных металлических приспособлений и ремней, сковывающих движение пленницы и позволяющих

делать с ней все, что угодно.

Некоторые мужчины приходили сюда для того, чтобы только посмотреть, что будут делать с пленницами другие. Это их возбуждало, и тогда сюда же приводили других девушек, только в отличие от Милы и Берты (которых из-за ошейников и цепей называли «собаками») они были хорошо одеты и ухожены. Правда, после того, что с ними вытворяли мужчины, утолявшие свой сексуальный голод в двух шагах от клеток, эти девицы к утру выглядели ничуть не лучше «собак»… Такие же следы побоев, синяки на истерзанных телах, а то и рваные раны, нанесенные специальными крючьями…

Берта не могла понять, почему их мучители чувствуют себя так спокойно и не опасаются того, что крики их жертв могут быть услышаны, ведь бункер или подвал находился, судя по тому, что она успела разглядеть сквозь стекла машины, на которой ее сюда привезли, где-то в районе Красной Пресни, то есть почти в самом центре Москвы!

Причем одна деталь, на которую она не могла не обратить внимания, была убийственной в прямом смысле этого слова: ей даже не удосужились завязать глаза!.. А это говорило только об одном: оттуда, куда ее везли, она уже никогда не выберется. Она была обречена с самого начала.

Ее посадили на цепь в первый же вечер. Предварительно раздели, вынули все шпильки из прически, распустили волосы и, надев на шею тяжелый металлический ошейник с цепью, затолкали в большую, с толстыми прутьями, клетку, которую заперли на замок.

– Вот молоко, – мрачного вида парень в джинсовом костюме поставил перед клеткой большую красную пластмассовую миску, покрошил в нее хлеб и, залив его молоком из пакета, усмехнулся. – Будешь хорошо себя вести, попозже тебя покормят… Только есть ты будешь прямо из миски, как собака. Ты теперь и будешь собакой…

– Как это? – Она не верила в то, что с ней происходит. – Зачем вам это? Если вам нужен выкуп, то позвоните моему мужу, и он заплатит за меня любые деньги…

– За тебя, дурочка, и так теперь будут платить огромные бабки… Сюда спускаются только те, у кого много зелени. Ради них и были построены эти

клетки…

– А для чего клетки?..

Она похолодела от догадки: неужели к ней пустят настоящих собак, и кто-то, кто придумал все это, будет наслаждаться зрелищем того, как ее тело разорвут на части? Или же это будут дрессированные собаки, обученные специально… Она читала об этой мерзости, но не могла поверить, что та же участь – стать сексуальной партнершей кобеля – уготована и ей.

– Вы собираетесь ставить на мне биологические опыты?

– Опыты, но только не биологические… – сально ухмыльнулся парень и направился к лестнице, ведущей наверх. Послышалось бряцанье ключей, а потом все стихло.

Она не знала, что больше никогда не увидит этого парня: начиная со следующего дня еду стал приносить немой. Или молчун, притворявшийся немым. Он был похож на обезьяну, высокий, сутулый, с длинными руками и вытянутым бледным и несколько растерянным лицом…

– Привет, – послышалось из соседней клетки, и Берта вздрогнула, услышав высокий женский голос. Она резко повернула голову и встретила направленный на нее вполне осмысленный, но полный боли и горечи взгляд.

– Привет…

* * *

Когда Берта не вернулась домой, Ромих, чувствуя, что с ней случилось что-то непоправимое, тотчас связался со своим одноклассником, директором частного сыскного агентства Сергеем Малько.

– Я знаю, что ты скажешь, – произнес в сильном волнении Илья, чувствуя, что ему не хватает воздуха, – но она не пришла ночевать, а это могло случиться лишь по одной причине…

– По какой? – Голос Сергея был сонным. Оно и понятно: часы показывали половину шестого утра. – У нее кто-то есть, и ты хочешь попросить меня разыскать скотину, к которой она ушла?

– Тебе повезло, Сережа, что ты сейчас далеко от меня, а то бы я врезал тебе за такие слова…

– Ромих, ба! Да ты ли это? Брось, перебесится твоя девочка и вернется!

– Я прошу тебя – приезжай…

И он положил трубку. Ему показалось кощунственным вести разговор о НЕЙ по телефону. Никто, ни одна любопытная телефонистка, абсолютно никто не должен произносить ее имя всуе. Да, он одержим ею, да, его любовь к ней – единственное, что у него есть в жизни, но это не преступление, нет. Это счастье. Счастье, которое у него отняли.

Каждый вечер, возвращаясь домой, он ждал того момента, когда она откроет дверь и улыбнется ему так, как может улыбаться только Берта. И разве можно словами выразить блаженство, которое он испытывал всякий раз, целуя ее, обнимая и чувствуя, что она принадлежит только ему? Ее волосы, ее кожа, глаза, губы, звук голоса, все, абсолютно все в этой женщине вызывало в нем трепет и желание постоянно находиться рядом с ней. И сколько бы они ни были вместе, еще ни разу за пять лет он не испытал отравляющего чувства пресыщения…

Они доверяли друг другу и зачастую обходились без слов, понимая все, что хотел сказать каждый из них.

Они были почти единым организмом и, находясь на расстоянии, постоянно испытывали потребность друг в друге. И теперь, когда она не пришла ночевать, как можно предположить, что она покинула его по своей воле? Это абсурд!

– Только не убивай меня! – взмолился Малько, едва Ромих открыл ему двери своей квартиры. – Ты прости меня, но за три года существования нашего агентства я столько насмотрелся на этих баб… пардон, женщин, что мне простительны такие предположения…

– Кофе? Водку? – спросил Илья и, как тяжелобольной, поплелся на кухню, приглашая гостя следовать за ним. – Садись, Сережа… Так что будешь пить?

– Молоко, – серьезно ответил Малько и сел на предложенный стул. – А у тебя здесь хорошо… Даже красиво. Вы, ювелиры, уникальный народ… Страна бьется в агонии, а вам хоть бы хны! Я видел одного «креза», которому ты отлил платиновый перстень с секретом, он так расхваливал тебя, сказал, что собирается заказать тебе золотой крест…

– Сережа, зачем ты испытываешь мое терпение?

Илья побледнел, чувствуя, что еще минута, он сотворит с этим балагуром что-нибудь ужасное: такого прилива физической силы, вызванного злостью и отчаянием, он в себе не помнил.

– Ладно, умолкаю. Так что, собственно, произошло? Твоя жена, Берта, не вернулась домой.

Тон Сергея моментально изменился. Он вдруг превратился в серьезного профессионала, который, решив сначала покуражиться, теперь взял себя в руки и заговорил по существу.

– Если не ошибаюсь, у тебя серебристый «Фольксваген»? Точнее, у твоей жены…

– Да, но машины в гараже нет.

– Правильно, потому что твоя жена села в эту машину и поехала куда-то вчера вечером по своим делам и больше не вернулась, так?

– Так. Она позвонила мне на работу и сказала, что ей надо в парикмахерскую, а оттуда по магазинам и домой…

– Какая парикмахерская? Где находится? Кто мастер?

– Салон «Ева», а как зовут мастера, я не знаю…

– Понятно, – Малько быстро строчил в записной книжке. – Я понимаю, конечно, что с тобой сейчас происходит, но поверь мне: еще рано отчаиваться… Она ведь просто не пришла ночевать! С женщинами, а тем более молодыми, такое случается… Возьми себя в руки и жди моего звонка. Я постараюсь сначала отыскать машину… Кстати, а во сколько она тебе позвонила?

– В половине седьмого.

– Вот и отлично. Детское время. Спасибо за кофе… и за молоко.

Ромих покраснел – он забыл и про кофе, и про все на свете, кроме Берты.

– Извини…

Малько ушел, и в квартире стало необыкновенно тихо. Не работал телевизор, молчало радио, не звучала музыка, которой раньше просто полнился их дом: Берта любила слушать музыку, что бы она ни делала. Она даже засыпала под тихую классику, считая, что это помогает от бессонницы. Хотя о какой бессоннице могла идти речь, она всегда спала крепко, и сон ее был здоровым, словно у младенца…

Ромих вошел в их спальню и, взглянув на полуразобранную постель, покрытую широким шелковым покрывалом, вдруг почувствовал, будто его кто-то ударил… Мысль о том, что Берта не ночевала дома, вдруг приобрела черты самой настоящей реальности: где она спала сегодня ночью, в чьем доме, на чьей кровати и чьим одеялом укрывалась?..

Он боялся звонить ее родителям, боялся беспокоить их и, что самое ужасное, боялся ее отца, который, услышав, что Берта исчезла, во всем обвинит, конечно же, его, Ромиха! Он и Малько-то ничего не сказал про родителей Берты, а тот почему-то не спросил их адреса. Как-то странно…

От звонка он вздрогнул и кинулся к телефону:

– Слушаю…

– Это я, Малько. Слушай, а где живут ее родители? Вот черт, совсем из головы вылетело… Они же москвичи?

– Не надо, не звони им… Если бы она была у них, они бы обязательно позвонили сами…

Но адрес и телефон все-таки назвал.

– Насчет оплаты не беспокойся… Ты мне только найди ее…

Он говорил еще что-то, но почти не слышал собственного голоса. Все потеряло смысл, даже телефонная трубка в руках воспринималась как что-то нелепое, возникшее в пространстве некстати. Сейчас раздастся звон ключей, дверь распахнется, и в комнату быстрым шагом войдет Берта, на ходу снимая плащ… Она обнимет его и извиняющимся воркующим голосом объяснит ему, что застряла, к примеру, в лифте, когда поднималась к своей приятельнице…

Да, это было бы возможно, если бы у Берты были эти самые приятельницы. Но в том-то и дело, что она практически ни с кем не общалась, находя удовольствие в своем добровольном затворничестве. И если и выходила из дома, то с Ильей или по магазинам. Она была домоседкой. БЫЛА?!.

Она много читала, немного играла на фортепиано и гитаре, рисовала, шила, вязала… Выучила для себя английский язык и довольно сносно разговаривала на нем, когда Ромих возил ее на международную ювелирную ярмарку в Швейцарии.

В сущности, Берта была самой обыкновенной женщиной. Без затей. Без образования, без каких-либо стремлений. Она была просто женой и никого не собиралась удивлять… Но она была и частью его жизни, его радостью, его опорой, женщиной, которая вдохновляла его и заставляла постоянно совершенствоваться…

Она не пришла ночевать. Почему? Ей надоело жить со старым мужем? Но он не стар! Он силен и красив, редкая женщина не обратит на него внимание…

В четыре часа снова позвонил Малько:

– Слушай, Илья, твою машину нашли на Баррикадной, она стояла открытая… Мы пригнали ее к нашему офису… Если ты не против, мои ребята займутся ею…

Ромих закрыл лицо руками: машина пустая и открытая! Значит, у НЕЕ не было возможности ее закрыть. Ей НЕ ДАЛИ этого сделать.

– Я хочу увидеть машину… – сказал Илья и почувствовал, как горло его сжалось от подступивших рыданий.

* * *

Твидовый костюм, как и все остальное в его небольшой, но довольно прилично обставленной квартире, был куплен на деньги, заработанные Людмилой. Это ДРУГИЕ МУЖЧИНЫ звали ее Милой, а для него она была Людой.

Они познакомились около года тому назад в баре, и первое, что Михаил сообщил о себе своей новой приятельнице, было: мне двадцать семь лет, я не женат, нигде не работаю и навряд ли в скором времени у меня появятся деньги.

Люда, красивая светловолосая девушка с хорошими манерами и безупречным макияжем, ухоженная, одетая в шикарное вечернее платье, только хмыкнула на это заявление и улыбнулась одними губами.

– Можно подумать, что я прошу у тебя денег… Миша… Тебя ведь зовут Миша? Так вот, Миша, у меня если и есть проблема, то только с квартирой… Поможешь мне, я помогу тебе. Ты где живешь?

– На Малой Бронной, а что?

– Квартира большая?

– Двухкомнатная.

– Отлично. А с кем живешь?

– Один.

И он вдруг представил себе, как проснется утром в постели с этой шикарной девицей, и она принесет ему кофе в постель. От этой картинки сердце его забилось…

Он был слишком непритязателен и ленив, чтобы устраиваться на хорошую, требующую отдачи работу, а потому перебивался мелкими, случайными заработками, не позволяющими встречаться с приличными и, главное, молодыми женщинами. Была у него одна знакомая, которая соглашалась провести с ним час-другой за коробку конфет или пару колготок, но она была значительно старше его, и от нее всегда разило острой смесью прокисших духов и старой пудры.

Люда же благоухала, как цветок, носила дорогие вещи, заказывала в ресторане все самое лучшее, и Михаилу казалось, что она находит особое удовольствие в том, чтобы всем этим удивить его, расположить к себе, приручить…

Когда он впервые привел ее к себе, она тотчас зажала нос пальцами и покачала головой:

– Мишенька, что же за свинюшник ты здесь развел, а? У тебя есть телефон?

– Есть, а что?

Но она уже не слушала его, уверенно продвигаясь в глубь квартиры и осматривая ее взглядом потенциального покупателя или будущего жильца.

– А то, мой милый, что все здесь надо привести в порядок.

Она резко повернулась, внимательно посмотрела на него своими огромными темными глазами и хитро подмигнула.

– Ну что, Мишенька, хочешь, чтобы я здесь жила? Ты же просто мечтаешь, чтобы я приласкала тебя… Мы вот с тобой все ходим по ресторанам, говорим ни о чем, ты жалуешься, что у тебя нет денег и что в Москве трудно найти работу… Но на самом-то деле у тебя на уме совсем другое… Ну, сознайся, что ты только и думаешь о том, как затащить меня в свою постель? И при этом ты не перестаешь задавать себе вопрос: что же она нашла во мне такого и зачем тратит на меня

столько денег, если я ничего особенного из себя не представляю? Ведь ты НИКТО, Мишенька… Правда, фигура у тебя более-менее, рост подходящий, и если тебя приодеть, то будешь смотреться очень даже ничего… Но в мыслях-то у тебя корысть, в сердце – лед, а в глазах – одна похоть… Как же нам быть?

Ему вдруг показалось, что он раздет догола, и сотни глаз рассматривают его; руки его стали тяжелыми, а тело неповоротливым. От такой правды, которую он услышал из уст этой красивой стервы, ему стало не по себе. Он даже вспотел. И прыщик, который выскочил у него утром на носу, показался ему огромным мерзким нарывом… Он стал противен сам себе.

– Тебе не нравится моя квартира? Так ведь я же мужчина… Мне простительно… – мямлил Михаил, чувствуя, как запылали от стыда его щеки и уши. – Квартира – как и ее хозяин, требует ухода.

– Твоя квартира в центре, а это самое главное… Давай с тобой договоримся: я живу у тебя, даже С ТОБОЙ, а ты не суешь свой прыщавый нос в мои дела…

– Какие еще дела?

– Ну какой же ты бестолковый, Мишенька! – Людмила опустилась в кресло, вытянула уставшие от долгого хождения на высоких каблуках длинные красивые ноги, затянутые в прозрачные дымчатые колготки, и, достав пачку сигарет «Мальборо», закурила, пуская дым ему в лицо. Красная короткая юбка ее, плавно переходящая в такого же кровавого оттенка вязаный джемпер, облегающий полную грудь и тонкую талию, задралась, открывая взгляду стройные бедра…

У Михаила перехватило дыхание. Он никак не мог сосредоточиться на том, что она пыталась ему внушить. Мысли его скакали, а тело предательски выдавало себя…

– Объясняю тебе все на пальцах… – хохотнула она, слегка раздвигая ноги и прищелкивая языком, играя с ним и явно провоцируя его на решительный поступок. – Мы отремонтируем твою квартирку, и я буду приводить сюда мужчин. Самое большее – на два часа. А ты в это время будешь либо сидеть в другой комнате, либо уйдешь куда-нибудь погулять… За это ты будешь сыт, одет и вполне доволен своей жизнью…

Да, приблизительно этого он и ждал, но только не предполагал, что разговор примет настолько откровенный характер.

– А спать-то ты со мной будешь?

– Ночью, дружок, ночью мы с тобой будем отдыхать. Ведь днем тебе придется ходить на рынок, по магазинам и готовить, а я буду заниматься другими вещами… Понимаешь, так живут многие… Снимать квартиру дорого, к тому же придется нанимать прислугу, то есть. А так мы сможем сэкономить довольно приличные деньги… Ну, как тебе мое предложение?

– Но зачем тебе это? Зачем тебе я? Ведь ты же сама только что сказала, что я – НИКТО… Ты же можешь найти себе мужчину более достойного и красивого…

– Дурачок, да разве ТАКОЙ позволит МНЕ заниматься проституцией? Какой приличный мужик согласится, чтобы его любовница спала с другими? Ты уж извини, что я так с тобой… откровенно. Но ведь ты же безработный, а я предлагаю тебе довольно приличное существование. Я, женщина! А ведь по логике вещей это ты должен был предложить мне содержание взамен на любовь или секс… Постарайся взглянуть на вещи реально… У меня раньше был сутенер, но в гробу я видала таких сутенеров! Я сбежала от него и решила напиться. Пошла в бар, а там встретила тебя. У тебя такие добрые глаза… Миша, подумай хорошенько… Доверься мне, и все будет хорошо. Мы отремонтируем твою квартирку, приведем ее в божеский вид, купим хорошую мебель, холодильник, набьем его продуктами и будем потихоньку жить… Ведь у тебя же сейчас шаром покати!

Он слушал ее и никак не мог понять, радоваться ли, что ему предлагают другую, более комфортную и сытую жизнь, или оскорбляться по поводу того, что его принимают за кретина, у которого, кроме квартиры, ничего нет. Особенно ума и достоинства.

Но ведь она права, эта шлюха. Ну что такого он из себя представляет? Поварские курсы, работа в забегаловке-пельменной, стакан вина перед сном и короткий сон, обрываемый звонком будильника, зовущего на работу, в серые беспросветные будни…

А ведь он еще молод, он еще почти не жил! Но и жить-то, оказывается, еще нужно уметь. А он не умеет. Ничего не умеет. Разве что жаловаться на неудачи и глушить вином или водкой тоску, причину которой он и сам не в силах понять. И то, когда есть деньги.

И он согласился. На время ремонта, который затеяла энергичная Людмила, они переехали во вьетнамское общежитие, где сняли за гроши угол с двумя узкими кроватями. И хотя они спали порознь, его новая подруга все же успела проявить свои способности и доказать, что их устная договоренность уже вступила в силу и что ночи принадлежат только им двоим. И Михаил, который никогда еще в жизни не имел женщину «досыта», впервые почувствовал себя по-настоящему счастливым.

* * *

На допросе у следователя ему было довольно сложно отвечать на вопросы, связанные с исчезновением Людмилы. Как он мог объяснить этому очкарику, что его подруга вела довольно свободный образ жизни и встречалась с десятками мужчин, которые платили ей за то, что она проводила с ними время. И если в начале их совместной жизни она старалась ночевать «дома», то позже случалось всякое… Она могла уехать в Питер с постоянным клиентом и жить там с ним в гостинице, пока тот не закончит свои дела; иногда такие «командировки» длились неделю, а то и больше. Бывало и такое, что Людмилу приглашали пожить в загородном доме клиента несколько дней или погостить в московской квартире, обслуживая приехавших издалека партнеров по бизнесу. Как правило, после таких долгих отлучек Людмила возвращалась похудевшая, долго отсыпалась, приходя в себя, и была не в силах даже разговаривать с Михаилом. В такие дни он жалел ее и уговаривал бросить свое тяжелое ремесло, на что получал один и тот же ответ: я больше ни на что не пригодна, это все, что я умею делать в этой жизни. А дальше, как правило, следовало какое-нибудь грубое слово, характеризующее ее жизнь в целом…

Его влечение к ней как к женщине начало постепенно ослабевать, и уже спустя пару месяцев они стали спать порознь. То, что она не испытывала к нему никаких чувств, он понимал с самого начала, так же как понимал и то, что его просто используют. Но вот почему он сам не мог воспользоваться данным ему правом обладания хотя бы ее телом – на этот вопрос ответа не было.

Людмила же, обнаружив, что Михаил охладел к ней настолько, что перестал встречать ее поздно вечером у подъезда, как это бывало поначалу, и взял за правило засыпать в гостиной на диване, не дождавшись ее возвращения домой, даже обрадовалась. Во всяком случае, она не задавала тех вопросов, какие задают в подобной ситуации другие женщины, и вела себя так, словно ничего не произошло. Очевидно, случилось то, что и должно было случиться: сознание того, что эта женщина продает свое тело и принадлежит многим мужчинам, оттолкнуло ее от Михаила, у которого к тому времени уже ничего, кроме чувства презрения и, одновременно, жалости к ней, не осталось. Она воспринимала его всего лишь как обязательного и последнего в этот день КЛИЕНТА. А ему хотелось большего…

За неделю до того, как Людмила пропала, в их квартире появился высокий, худощавый, хорошо одетый мужчина. Он спросил Милу и, услышав, что ее нет дома, пожал плечами.

– Когда она придет, скажите ей, чтобы она позвонила своему лучшему другу… – процедил он, не вынимая изо рта трубки. – Меня зовут…

Миша потом долго не мог вспомнить, как же зовут этого «друга».

От мужчины пахло дорогим одеколоном и еще чем-то изысканным, сложным и приятным… Он заявился в их маленький публичный дом из ДРУГОЙ ЖИЗНИ и нисколько не был похож на остальных мужчин, которых Мила иногда приводила в квартиру Михаила. Ее любовники (или клиенты, так было бы правильнее) были где-то порядка на два ниже этого «лучшего друга», они и одевались похуже, и не было ни в одном из них того лоска, как в этом господине.

Когда Мила вернулась вечером и Михаил рассказал ей о визите незнакомца, она даже изменилась в лице:

– Он меня нашел, Миша… Плохи мои дела…

– Я не запомнил его имени… Такое… необычное, короткое…

– Зато я ОЧЕНЬ хорошо знаю его имя… – И она назвала его. Да только Миша опять не запомнил.

Следователь, которому он потом слово в слово передал ее реакцию на появление «друга», тут же повез Михаила составлять фоторобот этого мужчины. Но, как ни бился художник, подыскивая нужные губы и глаза, нос и брови, рисунок на экране так и не совпал с тем образом, который четко запечатлелся в Мишиной памяти.

Наутро Людмила уехала за покупками. Она сказала, что у нее кончились шампунь и краска для волос, но Михаил ей не поверил.

Ее нервозность просто-таки бросалась в глаза, она и ходила-то по квартире как-то странно, то и дело останавливалась, словно что-то припоминая, а вгляд у нее при этом был испуганный и вместе с тем грустный, как бывает у обреченных на смерть раненых животных… В то утро она выглядела особенно соблазнительно: черное белье, яркий макияж, облако уложенных в высокую прическу золотистых волос… Вот только из рук у нее все валилось: она рассыпала в ванной комнате розовую пудру, уронила и разбила на кухне хрустальный стакан и разлила в спальне на туалетном столике кофе, без которого не обходилось ни одно утро…

А еще она много курила, но, не докуривая до конца сигарету, ломала и крошила их одну за другой в пепельницах, расставленных по всей квартире.

– Проветри после меня, – сказала она, и от этой фразы, еще долго звучащей в голове Михаила особенно после того, как он узнал, ЧТО с ней случилось, его бросало в дрожь.

Да, в то утро он проветривал квартиру от дыма; распахнул окна, перемыл все пепельницы, чашки, пропылесосил ковры, заправил постели… Он делал это каждое утро, как по расписанию. Затем отправился за продуктами в расположенный на соседней улице гастроном, вернулся и принялся готовить жаркое.

«Проветри после меня…»

Он вспомнил эту фразу в морге, где увидел то, что осталось от его подруги… Что же такого она сделала, за что ее можно было убить? Если тот господин с трубкой – ее сутенер, о котором она упоминала в самом начале их знакомства, то утром она пошла на встречу именно к нему, иначе бы так не нервничала… Она явно боялась его и сбежала из-под его «опеки» неслучайно. Возможно, он бил ее

или забирал все деньги, а может, заставлял ее делать то, что она не хотела или не могла… Так или иначе, но, оставшись без покровителя, обеспечивавшего ее квартирой, клиентурой и охраной, к тому же находясь в бегах, Людмила наверняка собиралась использовать свои старые связи, но «работать» уже без посредников и на «своей», необлагаемой данью, территории. Ей просто повезло, что она встретила Мишу, который был готов служить ей уже только за то, что она привела его квартиру в порядок, ласкала и кормила его.

«Проветри после меня…» Да, это были последние слова, которые он от нее услышал. И теперь, после ее смерти, он еще долго будет приходить в себя, «проветривая» свою жизнь и, главное – свои мозги…

* * *

Смерть, как сказал ему следователь, наступила приблизительно девятого или десятого октября, вследствие сердечного приступа, вызванного сильной дозой наркотика. До этого над девушкой издевались, подвергая ее жестоким пыткам и постоянно накачивая наркотиками, после чего, уже с мертвой, содрали кожу лица…

Вернувшись из морга, Михаил заперся и до самого вечера пил все, что нашел в ЕЕ баре, где хранилось спиртное, которым она угощала своих клиентов. В спальне, которая со временем превратилась в ЕЕ КОМНАТУ, в комоде под стопкой белья, он нашел пакет с долларами, шкатулку с золотыми украшениями, пистолет (!) и металлическую коробку, заполненную до краев одноразовыми шприцами и крошечными пакетиками с белым порошком. Михаил знал, ЧТО это такое, и неприятная и навязчивая мысль о том, СКОЛЬКО ЭТО может стоить, наполняла его мерзостным чувством собственника… Да, это Людмила научила его этому новому для него чувству – радости обладания, которого он прежде был лишен начисто. После смерти матери – единственного близкого ему человека, поскольку отца своего он не знал, – Миша остался один в двухкомнатной квартире, но оценить эту чисто материальную благость ему помогла именно Мила… «Ты хотя бы представляешь, сколько сейчас может стоить твоя квартира? Ты же – миллионер, ты – собственник, и эти две комнаты с кухней – твоя крепость, как говорят англичане… Ты должен любить ее, холить и лелеять, следить за чистотой и при всяком удобном случае прикупать новую мебель, картины, ковры… Все это создает уют и хорошее настроение. Ты и вещи свои должен любить, но стараться покупать не дешевку, которая развалится на

следующий день, а что-то качественное, приличное… Тогда и люди будут по-другому относиться к тебе, да и сам ты начнешь уважать себя… Ты можешь меня спросить, где же взять деньги для того, чтобы жить по-другому? Правильный вопрос. Отвечаю – ты должен их заработать. Для начала уясни себе, что на хорошую работу никогда не берут „с улицы“. Хозяину нужны СВОИ люди, то есть проверенные, которым можно доверять. Так было, есть и будет всегда… Ты не смотри, что я выбрала себе ТАКУЮ работу, все это до поры до времени… Вот накоплю немного денег, уеду куда-нибудь, где меня никто не знает, и начну там свое дело… Открою, к примеру, кафе или магазинчик. А в Москве мне уже делать нечего, как только… сам понимаешь, чем заниматься. Так вот, есть у меня один человек, я ему расскажу о тебе, и он возьмет тебя к себе в офис, будешь сначала готовить им обед (ты ведь учился на курсах поваров!), а потом он поможет тебе открыть небольшую пельменную или котлетную в хорошем месте… Вот так потихоньку и начнешь продвигаться вперед… Связи – это большое дело, без них трудно даже на панели…»

Он замотал головой, потому что голос Людмилы звучал так явственно, словно она находилась рядом с ним в комнате, а не лежала на столе в морге.

И вдруг его словно ударило током: он подумал о том, что ее могли убить из-за наркотиков, находящихся сейчас в металлическом ящичке, который он только что тщательнейшим образом упрятал обратно в комод вместе с долларами и шкатулкой с драгоценностями. Он медленно обвел глазами спальню, которая усилиями Людмилы сильно преобразилась за последние несколько месяцев – появилась большая итальянская кровать светлого дерева, комод с зеркалом в полстены, постельные принадлежности красивого, бежевого оттенка, – и подумал о том, что его подружка параллельно со своим основным ремеслом могла заниматься еще и перепродажей «дури», как называла Людмила наркотики. И что если сейчас к нему никто не пришел за ними, то только лишь потому, что выжидают время…

Очередная порция коньяка сделала его тело тяжелым, зато в голове как-то сразу прояснилось, и картина убийства Людмилы предстала перед ним во всех ужасающих подробностях… Он словно видел, как ее пытают, требуя, чтобы она рассказала, где прячет металлическую коробочку с белыми пакетиками…

Миша закрыл лицо руками и весь сжался, словно пытали не Людмилу, а его самого… И в это время, словно в подтверждение его страхов и опасений за свою жизнь, раздался настойчивый звонок в дверь… Так еще к нему никто и никогда

не звонил. Звонок отдавался в затылке и приносил боль.

Он вскочил, подбежал к комоду и, вытряхнув часть содержимого, достал металлическую коробочку и сунул в карман халата. В другую руку он взял пистолет. Вот теперь он был готов встретить кого угодно и отдать эту дрянь, только чтобы его оставили в покое…

На ослабевших от страха ногах он подошел к двери и, боясь даже заглянуть в «глазок», спросил, чувствуя, как дрожит все его тело:

– Кто там?

– Мила. Открой, это я, Мила…

Он оглянулся, словно боясь, что за ним стоит кто-то, кто может посмеяться над его галлюцинациями. Но за спиной никого не было. Он теперь снова жил один, а Людмила погибла… Тогда кто же стоит за дверью и просит, чтобы ей открыли?

Он все же заглянул в глазок и сразу же отшатнулся. Это была она. Только живая. И с лицом.

Руки его сами нащупали замок и открыли его. Дверь распахнулась, впуская продрогшую, полураздетую девушку с длинными, мокрыми от дождя и пахнущими собачей шерстью волосами… Огромные глаза ее смотрели куда-то в пространство, словно она была слепая.

– Михаил?.. – спросила она заикаясь и закатывая глаза…

– Мила! Ты?!

Он успел подхватить ее хрупкое озябшее тело, ставшее почти невесомым, и отнести в спальню.

На ней были мужские черные брюки и серый вельветовый пиджак.

– Господи… жива!

Глава 5

«Дора старательно помогала мне во время моего выздоровления, хотя и раздражала меня не меньше. Но только с ее помощью я немного окрепла физически. На деньги, которые я нашла в кармане своего пальто, мы купили мяса и овощей и сварили борщ. А ведь я уже стала забывать его вкус… Не помню, что я говорила Доре о причине, по которой оказалась в Москве в столь плачевном состоянии, но, очевидно, мои объяснения оказались довольно убедительными, потому что она оставила меня в покое и теперь изводила разговорами о своей личной жизни, о каком-то соседе-полковнике, который якобы оказывает ей знаки внимания… Мне приходилось делать вид, что я внимательно слушаю ее. Из вежливости. Из осторожности. Чтобы, не дай Бог, не настроить ее против себя. Промолчала я и тогда, когда поняла, что она потихоньку „зажала“ все мои деньги.

Она заходила ко мне по нескольку раз на день, но строго в половине седьмого вечера уходила к себе – по телевизору шел бразильский телесериал, просмотр которого составлял часть ее жизни и, по ее словам, открывал ей глаза на мир. Если уж быть до конца откровенной, я завидовала этой простой женщине и тем маленьким радостям, которые скрашивали ее, в сущности, серую и беспросветную жизнь. Но она не замечала этой серости вокруг, считая, что и в том бедламе, в котором она жила, можно всегда создать для себя крошечный мирок, замкнутый стенами с обоями в розовый цветочек, освещенный большим уютным шелковым абажуром и напоенный ароматами готовящейся еды… А если в этом мирке есть еще и цветной японский телевизор, а сосед по лестничной клетке предлагает немного секса перед сном, так отчего же не радоваться жизни?

В часы, когда я оставалась одна и у меня пробуждался аппетит, я вставала с постели и шла на кухню, где, наслаждаясь тишиной и покоем, но главное – отсутствием шумной и суетливой Доры, накладывала себе полную тарелку еды и спокойно ужинала, прислушиваясь к завыванью ветра за окном. А потом возвращалась в спальню и занималась тем, что переключала телевизор с одного канала на другой, стараясь не думать о том, что пора уже давно быть в Лондоне, что Гаэль, наверно, сходит там с ума, волнуясь по поводу того, что ни от меня, ни от Пола Фермина нет никаких вестей… Вся надежда была на возвращение Вика. Я верила, что он мне поможет как можно скорее улететь домой. А уж я

найду способ, как его отблагодарить.

Но с наступлением темноты со мной начинало твориться что-то страшное. В голову лезли мысли об убийцах Пола, которые теперь, наверно, разыскивают и меня, причем цели у них могут быть разные: содрать с меня деньги, посадить за решетку или просто убить за то, что я ограбила кого-нибудь из их близких. Я так и не поверила в то, что мною всерьез занимаются ФСБ и Интерпол. Здесь, в Москве, в тихой квартирке, у меня было достаточно времени, чтобы проанализировать детально все, что произошло со мной, начиная с четвертого октября – дня, когда я приехала на похороны Милы, – вплоть до сегодняшнего. Четвертое, одиннадцатое – даты моего прибытия в Москву… Боже, я и не заметила, что прошло так много дней… Зато я отлично запомнила дату, когда впервые наткнулась на коробку, полную писем от моей сестры… Это было четырнадцатое октября тысяча девятьсот девяносто восьмого года.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/danilova_anna/volch-ya-yagoda

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить